

**МИР БЕЗ ОГНЯ
ПУТЕШЕСТВИЕ В ПУСТОТЕ**

Вся наша жизнь — не более чем путешествие от одной точки, до другой. Словно глупые мотыльки, летящие на свет керосиновой лампы, мы стремимся познать мир вокруг себя, найти оправдание своего существования, достигнуть важных, по нашему мнению, целей. Но на деле, вся эта жизнь, не больше чем одно большое путешествие в пустоте...

Предисловие

Движение. Всё в нашей с вами вселенной находится в постоянном движении, в постоянном поиске чего-то. Атомы и молекулы, люди и животные, звёзды и галактики, все мы идём к одной, лишь нам известной цели. А когда достигаем её, находим новую.

Это бесконечное путешествие даёт возможность миру существовать таким, каким мы привыкли и желаем его видеть. Сложно себе представить, что случится, если всё вокруг вдруг перестанет искать значение своего существования, оставит цель, перестанет хвататься за жизнь, потеряет ориентир и, в конечном счёте, просто-напросто закаменеет.

Возможно ли, что это бесконечное путешествие и есть тот самый великий и ужасный смысл нашей короткой жизни? Возможно ли, что мы, словно винтики в одном огромном и сложном механизме вселенского мироздания вынуждены непрерывно крутиться, поддерживать этот мировой локомотив?

Но и сама вселенная, подобно всему живому, также бесконечно расширяется, переставляя галактики, звёзды и планеты, как шахматные фигурки внутри себя, освещая пустоту вокруг, заполняя эту пустоту, двигаясь всё дальше и дальше в неизведанное.

И получается, вся наша жизнь, всё то, что человек обожествлял, изучал и разрушал в течении многих-многих тысяч лет подряд, не более, чем одно большое путешествие в пропасть. Путешествие неясно куда, неясно откуда, неясно с какой целью.

Люди, как существа, что подчинены нерушимым законам вселенной, в попытке повторять за ней, словно ребёнок, который копирует повадки старших, также пытаются освещать и заполнять пустоту вокруг себя.

Но у вселенской пустоты нет границ, её невозможно заполнить, невозможно осветить даже миллионами и триллионами звёзд. В то время, как пустота человеческая, как и всё, что окружает нас с вами — имеет свой конец.

Рано или поздно человек заполняет собой и своими знаниями всю пустоту, которую способен увидеть, почувствовать. Человек освещает самые потаённые углы своего узкого мирка и двигается дальше и дальше, пока, наконец, не сталкивается с чем-то, что осветить или заполнить он не в состоянии.

И именно в этот период человек сам становится той пустотой, тем самым тёмным пятном в галактике, которое необходимо заполнить. Появляется иная, более совершенная форма живого, которая уже не будет зажата в рамки человеческого восприятия вселенной.

И ведь человек сам не заметил, как взрастил это живое рядом с собой. Сформированное из знаний, эмоций и чувств, не имеющее сдерживающего фактора, это новое-живое двигается по миру, расширяется, меняя всё привычное нам до неузнаваемости.

Но законы мироздания на то и законы, что нарушать их нельзя. Да и, правду сказать, невозможно. Все живые организмы, должны двигаться, обязаны что-то искать.

Нескончаемое путешествие в пустоте и есть единственный смысл существования нашей вселенной.

Затишье. Небо наконец-таки прояснилось, запах гари притупился, а завеса грязно-серого дыма развеялась, открывая нам вид на пустующее шоссе и унылый осенний пейзаж. Время идёт так быстро. Скоро похолодает. Скорее всего придётся где-нибудь зимовать.

Теперь, когда Хинай — катаклизм общепонского, а может и всемирного характера, просто заселиться в номер какой-нибудь придорожной гостиницы не выйдет. Вот и приходится нам бродить от одного случайного дома к другому, в надежде, что удастся переждать ночь.

Несколько месяцев мы провели в лесах Сатомори, скрываясь от теней и искавших нас жителей. Однако, вторые стали появляться всё реже, а первые же, наоборот, наведывались слишком часто. К осени Рико решила, что пора действовать.

Собрав всё необходимое, мы покинули Сатомори. Конечно, мы боялись. Кто знал, что правило «родового гнезда» более не имеет никакой силы? Если Хинай теперь окутал такие обширные пространства, то и Сатомори перестала быть тюрьмой.

Прошёл день, за ним второй, но мы всё ещё жили. Тогда-то мы и решили, что будем просто идти вперёд, несмотря ни на что. Возможно, однажды мы всё же найдём достаточно безопасное место, чтобы остаться там навсегда.

Что случилось с нашими родными? Этот вопрос терзал меня уже довольно давно, однако теперь это не имеет какого-то особого значения. Когда вокруг происходит нечто подобное, ради собственного выживания приходится жертвовать некоторыми воспоминаниями, которые слишком сильно терзают душу.

Сейчас Рико вышагивала слегка впереди. Она несла на спине спортивный рюкзачок и разглядывала стремительно желтеющую растительность. Уверен, покинуть Сатомори ей было намного сложнее. В конце концов, та деревня была для неё миром, она знала её вдоль и поперёк. Но теперь Рико — словно маленькая лодка, которую выбросило в волны бушующего океана.

— Смотри, Ивару, — она вытянула руку, указывая на невысокое строение впереди. — Думаю, более удобного места для ночёвки нам сегодня не найти.

— Если мне не изменяет память, — я скептически оценил неказистый домик, — в прошлый раз по твоей указке мы ночевали в какой-то сырой яме, когда всего в паре метров стоял неплохой сарайчик, который ты, конечно же, не заметила.

— Ва! Ивару, я устала ходить, — девочка топнула ногой. — Лямки от рюкзака уже все плечи натёрли, ноги болят и кушать хочется. Пойдём!

— Такими темпами мы и до зимы не доберёмся до какого-нибудь мало-мальски крупного города, Рико.

— Ну пожалуйста, Ивару, — она не переставала канючить.

— Ладно-ладно, идём.

Невысокий домик, по всей видимости, служил когда-то сторожкой. Слегка покосившийся, с прогнившими оконными рамами. Как и ожидалось, внутри никого не было. Нас с Рико встретил лишь промятый диван, прямоком из эры *сёва, старенький обогреватель, покарябанный обеденный столик, да стул без ножки.

Но, несмотря на бедность в убранстве, дом плотно закрывался, что обеспечивало хотя бы минимум безопасности. Также, стены позволяли сохранять тепло, а на диване можно

поспать без болей в спине.

И всё же, холод или непрошенные гости были не самой страшной опасностью, которая могла нас поджидать. Тени за последние месяцы стали в разы опаснее. Они будто бы эволюционировали, подстраивались под новую среду.

Да и в целом, Хинай стал другим. Временами гарь и дым исчезали и на некоторое время на землю падали солнечные лучи, тогда можно было вдохнуть свежего воздуха. Тени в этот период исчезали, ибо солнце для них губительно. Мы прозвали это время затишьем.

Однако не стоит полагать, что тени исчезали насовсем. Очень быстро они научились приспособливаться к затишью, научились охотиться и под солнечным светом. Иногда можно наткнуться на тусклые, едва различимые тёмные облака. Они не двигаются, но заметить их порой бывает очень сложно, отчего животные и невнимательные путники могут с лёгкостью войти в такое облако, обрекая себя на верную и болезненную гибель. Морок — название, которое получили эти облака.

Наравне с мороком начали появляться ещё более приспособленные к затишью тени. Пожалуй, из всех трёх форм, эта вызвала самый настоящий трепет. Мы с Рико прозвали их фантомами. В точности как люди, они бродили по дорогам в поисках наивных жертв. Стоило живому существу приблизиться к фантому, он тут же протягивал к нему свои руки. Жертва фантома умирает гораздо медленнее, проходит несколько дней, прежде чем силы покидают её, и бездыханное тело падает на землю.

Тени прогрессировали с ужасающе быстротой, и это пугало больше любых морозов. Однако, ни природу Хиная, ни природу теней, понять мы, два ученика старшей школы, не могли. Да и кто будет заниматься исследованиями в такой-то ситуации?

— Ивару, будешь овсяный батончик? — Рико рылась в рюкзаке.

— Нет, нужно экономить еду, — я уселся на диван. — Но если хочешь, перекуси.

Девочка села рядом и зашуршала упаковкой батончика. Сперва может показаться, что вернулась прежняя Рико. Та самая, которая рассекала по Сатомори на своём самодельном велосипеде и смеялась по поводу и без.

Но будем честны. Глубоко в душе Рико навсегда изменилась. Даже взрослые и сформировавшиеся люди не всегда могут перенести спокойно всё то, что свалилось на нашу долю. Что уж говорить о простой деревенской семнадцатилетней девчужке.

Рико вновь полезла в сумку и вдруг замерла. Из рюкзака она достала небольшой томик манги, слегка мятый и измазанный в чём-то сладком — «Мне не выжить в старшей школе». Рико аккуратно провела пальцами по обложке.

— Если бы мы лучше приглядывали за Аи, — она отложила томик в сторону.

— Кто же знал, что так случится, — я подсел ближе и обхватил её за плечи.

Мы потеряли Аи месяц назад. Ей с самого начала было некомфортно и одиноко, ведь в отличии от нас, она прекрасно осознавала, что отец всё ещё жив и ищет её. И тем не менее, она решила идти с нами, взвалив на себя рюкзачок.

Она не жаловалась, не плакала и не просилась назад. Но мне хватало одного её взгляда, чтобы понять, как сильно ей не хватает Сатомори. И вот однажды Аи не выдержала и окончательно с нами поругавшись, убежала.

Через несколько дней мы набрали на её тело. Она не продержалась и дня, задохнувшись в облаке морока.

Так мы с Рико остались одни. Мы просто шли куда-то, пытались не терять надежды, пытались продолжать жить. Но с каждым днём становилось ясно, что как раньше уже не

будет.

Рико смяла упаковку и кинула её в дальний угол. Затем она собрала волосы в хвостик и опустилась передо мной на колени.

— Сейчас?

— Сейчас, — её крепкие, слегка грубоватые руки, скользнули под мою кофту.

Не знаю, как так вышло. Впервые, это случилось очень обиденно, буднично, словно так и должно было быть. Рико просто разбудила меня ночью, попросившись погреться рядом. После, всё пошло по довольно-таки избитому сценарию.

Рико не была похожа на Харуку. Я не чувствовал, что она отдаётся мне, что она сливается со мной. Любовь с Рико была иного рода. В ней не было того изящества и лёгкости, не было той неопишуемой нежности.

Однако это не значит, что я ничего не чувствовал к ней. Наверное, это в порядке вещей, что после пары подобных случаев, я начал видеть в девочке не просто заносчивую подругу, не просто спасительницу на велосипеде.

Даже губы Рико ощущались иначе, словно всегда были сухими, какими-то жёсткими. Но я бы ужасно соврал, если бы сказал, что мне не нравилось. Вероятно, это особенность Рико — всё делать по-домашнему тепло и слегка по-детски. Даже в таком, казалось бы, неподходящем для этого деле.

Стыдно признаваться, но иногда я закрывал глаза и представлял, что снова с Харукой. Представлял её невероятно нежную кожу, и те жутко-уставшие и настолько же жутко-печальные глаза. Вспоминал её тёплые губы, тонкие юркие пальцы.

Но что бы там ни было, Харуки больше нет. Она погибла там, на перекрёстке у рисовых полей. Погибла, так не проронив и слова. Погибла, оставив после себя лишь тетрадку с некоторыми, заранее заготовленными, фразами. Я носил эту тетрадку с собой. Временами хотелось её сжечь и забыть всё. Но всякий раз, когда я собирался так поступить, руки опускались.

— Ва! — Рико надула щёки. — Нечестно! Ты мухлевал!

— Когда тебе идёт хорошая карта, ты начинаешь радостно ёрзать, — улыбнулся я, сгребая игральные карты обратно в колоду.

— Неправда. Тебе кажется, — она отвернулась.

Небольшую сторожку освещал тусклый свет старой керосиновой лампы. За окнами потемнело так быстро, точно кто-то выключил ночник. Сегодня нужно было выспаться получше, чтобы потом идти и не клевать носом, но Рико не спалось.

Она встала с диванчика и принялась бродить по домику, заглядывая в каждый угол, в каждый шкафчик в поисках чего-то абстрактного, чего-то, что удовлетворит разыгравшийся у девочки синдром кладоискателя.

— Интересно, кто здесь раньше жил, — Рико выдвинула верхний ящичек старомодного комода. — Какой-нибудь отшельник? Нет-нет! Шаман! Точно! Жил здесь, вдали от всех и общался с духами! Ва!

— И откуда такая бурная фантазия? — я устало улёгся на диван. — Давай уже спать?

— Тебе что, совсем неинтересно, Ивару?

— Мне интересно, как мы будем зимовать, — пробурчал я в ответ. — Зима уже близко, Рико.

— Давай построим домик из снега, — что-то с грохотом упало в другом конце дома.

— Не смешно.

— Ва! — победоносно разнеслось по домику. — Смотри, смотри, что я нашла!

Рико повисла на спинке дивана, тряся перед моим лицом бутылкой с какой-то жидкостью внутри. Из-за мельтешившей перед моим лицом этикетки, я никак не мог разобрать, что на ней написано. А Рико всё не унималась, радостно хохоча.

— Дай сюда, — я выхватил находку у неё из рук.

— Эй! Это я нашла!

Виски. Бутылка была наполовину пустой, ну или же наполовину полной. Жидкость внутри заманчиво поблескивала в свете керосиновой лампы. С этикетки нам улыбался стереотипный весёлый пират с кружкой пива в руке.

— И что ты собралась делать? — я взглянул на девочку из-под бровей.

— Давай попробуем, — глаза у Рико блестели как никогда.

— Тебе семнадцать, — я ударил её по макушке. — Какое ещё: «попробуем»?!

— Ва! Ивару-кун! — она начала трясти меня за плечо. — Ну один глоток! Совсем немного же!

Может, нам правда не помешает немного расслабиться? Я снова взглянул на плескающуюся внутри бутылки жидкость. Говорят, алкоголь может притуплять чувства, успокаивать и сближать. словно бы это какая-то волшебная палочка. Ну, а вдруг поможет?

— Только чуть-чуть, — раздался гулкий звук пробки. — И я первый.

— Я её нашла! Я хочу первой!

— Ещё чего, — я пристал губами к горлышку и сделал глоток.

Горьковатый привкус. Ничего подобного я раньше не пробовал. Алкоголь с тяжестью провалился в желудок, обжёг внутренности и разошёлся по телу странным и непривычным теплом. Какие необычные ощущения.

— Ва-ва-ва! — Рико вцепилась в мою кофту. — Ты сейчас всё выпьешь! Оставь мне!

Я оторвался от бутылки, утёр рукой губы и протянул её девочке. Однако, вопреки ожиданиям, пить она почему-то не стала. Рико уставилась на горлышко бутылки и о чём-то глубоко задумалась.

— Рико? Ты же хотела попробовать?

— А? — она вернулась в реальный мир. — Да, точно. Помнишь, я как-то предложила тебе воды. Ты тогда заблудился, и я потянула тебя за собой в школу.

— Забудешь тут, — голова налилась тяжестью и казалось, будто меня начинает укачивать.

— Ты тогда сказал, что пить из одной бутылки, это тот же поцелуй, — она печально улыбнулась. — Вот и сейчас, выходит, тоже поцелуй?

— Наверное, — я чувствовал, как краснею.

Рико сделала аккуратный глоток, за ним ещё один, а за ним и следующий.

Пристрастившись, она едва ли не влила в себя всё содержимое. Если бы я не вмешался, то от виски остались бы одни воспоминания.

— Хватит, остановись! — я с трудом оторвал Рико от бутылки. — Сейчас подурнеешь, что мне потом делать прикажешь?

— Совсем невкусно, — поморщилась она. — Но я бы ещё попробовала.

— Разбежалась, — я убрал виски в свой рюкзак. — Больше не дам.

— Знаешь, Ивару, — Рико облокотилась на спинку дивана. — Тебе нравится, когда я делаю... ну, знаешь... руками там, и не только.

— Ч-что ещё за вопросы?! — я чувствовал, как проваливаюсь под землю от смущения.

— Нравится?

— Н-наверное, нравится.

— Глупый! Я же говорила: не бывает никаких «наверное»! — она стукнула кулаком по подлокотнику дивана, отчего тот жалобно заскрипел. — Нравится?!

— Конечно, — я вздрогнул. — Конечно нравится.

— Мне тоже нравится, — Рико продолжала прятать глаза. — Но знаешь. Мы с тобой ни разу не целовались. Даже в щёчку.

— Это так важно?

— Ты целовался с Харукой?

В домике повисло молчание. За окном разгулялся ветер, который свистел, прорываясь сквозь неплотно заколоченные доски домика. Едва на уровне слышимости шумела керосинка, огонёк пламени в ней беспокойно дёргался туда-сюда.

— Целовался, — кивнул я.

— Ясно, — девочка слабо улыбнулась.

— Рико, я...

— Ва, не беспокойся, — она отмахнулась. — Я глупая, конечно. Но, я понимаю, что всё это в прошлом.

— Сейчас...

— Только почему-то, я чувствую себя грязно, — она поднялась с диванчика. — Такая неприятная грязь, липкая очень. Как в смолу упала.

— Что за глупости, Рико?

— Неправильно всё, — девочка выглянула в окно. — Разве тут должна быть я? Здесь, с тобой?

— Прекрати, — я вскочил вслед за Рико и обхватив её со спины, крепко прижал к себе. — Несёшь какой-то бред!

— Но ведь ты всё ещё её вспоминаешь, — она прижалась ко мне ещё крепче. — Не смотришь на меня, а закрываешь глаза и представляешь, что на моём месте Харука.

— Неправда.

— Врунишка, — я почувствовал, как тяжело вздымается её грудь.

— Я действительно рад, что ты здесь, — я уткнулся носом в её волосы. — Со мной.

Волосы Рико жестковаты и пахли жжёной травой. Какое-то время она старалась их укладывать и расчёсывать, но, когда поняла, что в пути от этого совершенно нет толка, стала просто заплетать в хвостик, как и раньше.

— Пойдём спать, Рико, — я не отпускал её.

Девочка ничего не ответила, лишь угрюмо кивнула.

С трудом я разложил диван, который чудом не развалился при таких-то манипуляциях. Не сказал бы, что лежать на нём было удобно, особенно без подушек и одеяла. Но всё лучше, чем спать на сырой земле в холодном спальнике.

Благодаря тем самым магическим свойствам алкоголя, сон навалился практически сразу после того, как я закрыл тяжелые веки.

В последнее время мой сон был беспокойным. Мне постоянно снились странные кошмары: иногда с моим участием, иногда с участием моих близких. В этот раз ничего подобного не случилось. Я просто наслаждался спокойной, всеобъемлющей темнотой.

Даже сквозь закрытые веки я отчётливо ощущал, что на меня кто-то пристально смотрит. Однако, глаза не открывал. Боялся. Послышался шорох обуви по деревянному настилу. Звук такой, словно кто-то волочит ногу по земле.

Раздалось невнятное бормотание. Невидимый для меня гость поднял что-то с пола и, стуча дверцей, вернул это что-то в шкаф. Бормотал определенно мужчина в годах. Это можно было понять по присущей хрипоте.

Наконец, я решился приоткрыть глаза. По хижине расхаживал мужчина в стареньком, местами рваном свитере. Одну ногу он и вправду подволакивал за собой. На голове редкие седые волосы, за которыми их владелец, по всей видимости, уже давно не ухаживает.

— Вставай давай, — после этих слов, мужчина начал кашлять, как бывает от болезни.

Я молча поднялся с дивана. Рико спала как убитая, обслюнявив обивку дивана под своей головой. Видимо алкоголь, действительно, дал ей возможность расслабиться. Непозволительно сильно расслабиться.

— Вы чего это в моём доме делаете? — незнакомец убрал керосиновую лампу обратно на комод. — Вам тут что, рёкан? Ну, чего ты молчишь?

— Извините, — я низко поклонился. — Мы не знали, что тут кто-то живёт.

— Не знали они, — фыркнул мужчина. — Совсем стыда нет. Ворвались в чужой дом, раскидали вещи, улеглись спать.

— Ещё раз прошу прощения, — я повторил поклон.

— Ладно, что уж там, — он тяжело вздохнул. — Я тоже молодец. Совсем разучился двери закрывать. Привык, видите ли, что людей тут не бывает.

— Вы живёте здесь?

— А что, незаметно? — он странно ухмыльнулся. — Уж лет тридцать, как осел.

Я ещё раз оглядел дом. С первого взгляда кажется, что он уже давно заброшен. Однако сейчас я начал подмечать особенности, не присущие заброшенным жилищам: отсутствие паутины в тёмных углах, относительно чистый пол, вымытые окна.

— А вы-то кто такие? — мужчина достал из кармана истёртых рабочих брюк сигарету. — Ты и подружка твоя.

— Ивата Тору, — и в третий раз я повторил свой поклон. — А эта... эта девушка — Каватскуи Морики.

— Вот оно как, — он задымил. — Шиори Сайто, хозяин этого дворца.

Я принялся расталкивать Рико, но она лишь отмахивалась от меня, словно от надоедливой мухи и куталась в невидимое одеяло, что-то щебеча себе под нос. Мужчина, глядя на мои потуги, лишь хрипло рассмеялся.

— Оставь девочку в покое, — он поднялся со стула. — Хороший сон, видимо, снится.

— Шиори-сан, — я поднял взгляд. — Мы ищем какой-нибудь населённый пункт: город или деревню. Скоро зима и хотелось бы быть поближе к людям.

— Город? Деревню? — мужчина посмотрел на меня с нескрываемым удивлением. — Вы где пропадали последние несколько месяцев?

— Что-то не так?

— Когда началась вся эта чехарда с дымом и призраками этими, — он принялся копаться в буфете. — Так все и повалили из городов куда подальше. Города-то эти сейчас пустые, аки бутылки после бурной пьянки... Кстати, где-то у меня была припасена бутылочка виски.

Я раскрыл рюкзак и с виноватыми глазами протянул мужчине найденную вчера бутылку.

Шиори неодобрительно посмотрел на меня и внимательно пригляделся к жидкости внутри.

— Ах вы вредители мелкие, — он нахмурил брови. — Гляди-ка, почти всю вылакали!

— Извините, мы хотели немного расслабиться.

— Хорошо так расслабились, — Шиори тяжело вдохнул. — Почти на всю бутылку...

— Шиори-сан, — я вновь вернулся к разговору. — Вы говорили, что города теперь пустые?

— Сам-то я не видел, — он развёл руками. — Но народу тут проезжала уйма. Кто куда бежал: в деревни, в леса, подальше на север в маленькие городишки.

— Выходит, нам нужно искать деревни, — я взглянул на спящую подругу.

— Не знаю, дети, куда и откуда вы идёте, — мужчина покачал головой. — Но время нынче беспокойное стало. Призраки эти шныряют туда-сюда, туда-сюда, покоя от них нет. Потому, будьте осторожны.

— А где здесь ближайшая деревня?

— Если не ошибаюсь, в паре километров отсюда была деревенька маленькая... Как же её называли... там пара домиков буквально, — Шиори задумался. — Ах да! Нисиока! Если в сторону холмов идти, то не пропустите.

— Холмов тут много, — я почесал затылок. — А есть более точные ориентиры?

— Ну да, — мужчина ударил ладошкой по столу. — Там завод недалеко. Большой такой, трубы высокие, сразу увидишь. Вокруг него вообще-то много разных деревенок, но я-то лишь Нисиоку знаю. Нравилась мне одна девчонка оттуда.

— Тогда, как только она проснётся, — я покосился на Рико. — Мы сразу же уйдём.

— Да ладно тебе, не торопись, — Шиори рассмеялся. — Сами-то откуда идёте?

— Сатомори, — коротко ответил я.

— Знаю-знаю, — закивал мужчина. — Я когда-то шофёром работал. Развозил по местным сёлам товары всякие. Так вот, пару раз заезжал я и в Сатомори вашу. Странное, скажу тебе, местечко. Вроде и люди хорошие, а только ни разу заночевать не давали.

Я прекрасно понимал, по какой причине Шиори отказывали в ночлеге. Заночуй он там хотя бы раз, был бы в числе тех, кто рыскал по лесам в поисках меня и Рико. Видимо, жители Сатомори прекрасно осознавали, что лучше не втягивать в их маленький мирок лишние головы.

Наконец, неприлично громко зевая, Рико пробудилась. Руки медленно поднялись кверху, ноги затарабанили по дивану, глаза непонимающе оглядывали окружающую обстановку.

Когда Рико всё же пришла в себя, она удивлённо уставилась на Шиори, не решаясь что-либо говорить. Затем, вопрошающий взгляд упал на меня. Некоторое время мы так и сидели в неудобном молчании.

— Это Шиори-сан, — я всё же решился нарушить затянувшуюся паузу. — Хозяин этого дома.

— К-Каватсуки Морики, — она стыдливо прятала глаза.

— И как мне с вами поступить, детки? — мужчина озадачено почесал затылок. — Отпустить вас одних на верную гибель?

— Всё в порядке, Шиори-сан, — уверенно заявил я. — Мы знаем, как себя вести снаружи. К тому же, судя по всему, затишье продержится ещё некоторое время.

— Я бы и с вами пошёл, — он поднялся со стула. — Да нога моя уже никуда не годится. Угораздило меня, ещё мальцом, в медвежий капкан попасть. Вот теперь и мучаюсь всю

жизнь. Далеко не убежать.

— Если найдём людей в Нисиоке, мы могли бы отправить к вам помощь.

— Да на кой-черт она мне, эта помощь, — Шиори отмахнулся. — Я тут уже тридцать лет землю топчу и уходить не собираюсь.

Мужчина со скрипом отодвинул обеденный стол. Только сейчас я заметил, что в полу имеется люк от погреба. При свете керосинки его было заметить не так-то просто, но сейчас я отчётливо видел и закруглённую ручку, и петли.

В самом погребе находились завидные запасы консервов, воды и разнообразных солений. Шиори с кряхтением спустился вниз и принялся греметь жестяными и стеклянными банками в поисках чего-то.

— Эй, Ивару, — Рико подошла ко мне незаметно. — Почему ты меня не разбудил?

Я лишь обречённо взглянул на глуповатое выражение её лица, многозначительно вздохнул и отвернулся, оставив её размышлять над собственным вопросом.

Скоро из погреба появился Шиори. Он выставил на стол пару банок с консервированной скумбрией, литровую бутылку воды и маленькую баночку странного вида грибов.

— Возьмите, — он снова уселся на стул. — Лишним не будет. До Нисиоки путь не близкий, а в лесу если проголодаетесь, хотя бы не надо будет воробьёв ловить.

— Благодарим, Шиори-сан, — поклонившись сам, я заставил сделать то же и Рико.

— Только, ребятишки, — мужчина перевёл взгляд на пейзаж за окном. — Не уверен я, что в Нисиоке ещё кто-то остался.

— Если не проверим, никогда не узнаем, — я попытался подбодрить его.

— Ну что же, — он закрыл глаза. — Идите, раз такое дело. Если что вдруг случится, возвращайтесь сюда. Вместе-то, оно веселее живётся.

Я снова взвалил на себя потяжелевший от еды рюкзак, поправил лямки. Проверил целостность рюкзака Рико, ибо она имела привычку забывать, что молнию необходимо застёгивать.

Мы попрощались с Шиори и направились в сторону, куда он нам указал. Рико ещё некоторое время оглядывалась на лачугу.

— Ты что-то там забыла? — остановился я.

— Кое-что забыла, — кивнула она.

— А раньше сказать нельзя было? Пойдём заберём.

— Нет. То, что я там забыла, пускай там и останется, — Рико странно улыбнулась мне и бодро зашагала вперёд.

Иногда я её совсем не понимал.

Примечания:

*Эра Сёва — девиз правления императора Хирохито; период в истории Японии с 25 декабря 1926 года по 7 января 1989 года.

Несмотря на то, что некогда тропинки в местных лесах и вправду имелись, сейчас различить их едва ли представлялось возможным. Поросшие густой травой, изрезанные корнями вековых деревьев и затоптанные дикими животными, дорожки были скрыты от глаз.

Большую часть пути приходилось идти наугад. Высокие и раскидистые деревья скрывали ориентиры, указанные Шиори, а труб некоего завода всё ещё не было видно. Рико вышагивала позади и демонстративно устало кряхтела.

Мы шли где-то около двух часов по неровной местности, и на меня тоже начала накатывать усталость. Но если сейчас я дам слабину и разрешу Рико расслабиться, мы застрянем в этом лесу до вечера. А мне бы не хотелось ночевать под открытым небом и быть съеденным каким-нибудь изголодавшимся по человеческому мясу волком.

К тому же, затишье тянется уже третьи сутки. Будет не очень приятно застрять на открытой местности, один на один с рыскающими по округе теньями. Если я что-то и осознал в последнее время, так это то, что во время Хиная больше шансов выжить у тех, кто укрылся в домах.

— Ивару-Ивару, — Рико схватила за мой рюкзак. — Долго ещё?

— Не знаю, — отмахнулся.

— М-м-м, — многозначительно промычала она. — А если, ну, просто прикинуть?

— Наверное долго, — я старался говорить меньше, чтобы сохранить силы.

По ходу нашего продвижения лес становился всё более густым. Деревья обступали нас со всех сторон, а тропинка, и без того незаметная, вовсе смешалась с травой и корнями. На пути попадались трухлявые пни и огромные муравейники, которые замедляли наш ход.

— А теперь? — не прошло и пяти минут. — Теперь — не долго?

— Не знаю.

— А сейчас? — я понимал, что Рико просто достаёт меня, чтобы мы остановились.

— Не знаю.

— А через час? Через час мы дойдём?

В этот раз я промолчал. Возможно, если игнорировать её, она сама отстанет. По крайней мере, я очень надеялся на подобный исход.

— Сейчас придём, да?

— Рико! — я резко остановился. — Нет! Ещё не скоро! Не через час, не через два, не через три! Я не знаю, когда мы дойдём!

— Ва! Ивару, не злись, — девочка растерянно засмеялась. — Я просто устала идти. У меня уже мозоль на пальце. Показать? Знаешь, как болит?!

— Не надо мне ничего показывать, — я обречённо опустил голову. — Ты понимаешь, что если мы не успеем дойти до захода солнца, придётся ночевать в лесу.

— И что? — она пожала плечами. — Однажды мы с девочками поднялись на холм и заночевали в тамошних лесах. Юри тогда рассказывала всем страшилки. Аи потом всю ночь не давала мне спать. Весело было...

Рико вдруг замолчала. Воспоминания о Сатомори давались ей с трудом. Она старалась придаваться ностальгии по прошлому как можно реже. Однако, каждый раз, когда разговор заходил о ком-то из погибших, Рико выпадала из мира.

— Ладно, — я осел у одного из многочисленных деревьев. — Давай немного передохнём. Если что, пойдём в ночи.

Девочка опустилась по соседству.

Холодное осеннее солнце стояло в самом зените, его тонкие лучи прорывались сквозь стремительно желтевшую листву и врезались в ещё не промёрзшую землю, теряясь в пожухлой траве.

Со стороны, откуда мы пришли, подул лёгкий прохладный ветерок. Я сделал глубокий вдох, наслаждаясь пока ещё чистым и свежим воздухом. Тонкая и ребристая белая полоска облаков тянулась по небу, гонимая налетевшим ветром.

Вездесущее летнее пение птиц заменилось редким карканьем ворон. По веткам деревьев, туда-сюда шныряли белки, скребя своими лапками по коре.

— Найдём безопасное место, — произнёс я. — И будет у нас дом. Вот какой дом ты хочешь, Рико?

— Хочу высокий, — ответила она. — Чтобы я могла смотреть на всех сверху, а на меня бы никто не смог.

— Серьёзные у тебя запросы, — я усмехнулся.

— Но главное, хочу велосипед, — продолжила Рико.

— Так любишь на нём кататься?

— Однажды, когда я ещё училась в средней школе, — девочка также подняла взгляд к небу. — Мы поехали в соседний городок. На поезде. Папе нужно было что-то купить, и я впервые попала в спортивный магазин. Там, среди всяких интересных штук, я увидела велосипед. Ва! Такой классный: со скоростями, надписью на английском и багажником. Я очень его хотела, но деньги были только на важные вещи.

Чем глубже Рико уходила в воспоминания, тем всё более отчуждённым становилось её лицо. Кажется, она начинала жить этими воспоминаниями.

— Когда мы возвращались назад, я плакала, — она закрыла глаза и улыбнулась. — Капризничала. Так сильно мне хотелось этот велосипед. Он же такой крутой! Со скоростями! На следующий день папа позвал меня во двор. Он притащил какие-то железяки, инструменты и доски. Целую неделю я собирала себе велосипед. Папа лишь командовал, что и куда ставить. У меня ничего не выходило, всё ломалось, не работало и не крутилось. Я плакала, снова и снова жаловалась папе, что ничего не получается, что я никогда не соберу его. А он лишь повторял из раза в раз: «Не получается? Значит, не нужен тебе велосипед. Иди в куклы играй». Я утирала рукавом слёзы, опять бралась за ключ и затягивала гайки, по новой устанавливала цепь и разбиралась с тормозной системой. Дождь, жара или комары не были помехой, я каждый день выходила и начинала всё сначала.

И в очередной такой день колёса, вдруг, закрутились. Работало всё: тормоза, цепь и даже руль поворачивался плавно. Вся перемазанная в масле, я забежала в дом и с радостным визгом бросилась к отцу: «Едет! Папа, он едет!» А он лишь устало улыбнулся мне и сказал: «Если сломается, будешь чинить сама. Теперь это твой личный велосипед».

— Ты была близка со своим отцом?

— Иногда я думаю, что лучше бы я проводила больше времени с мамой, — Рико засмеялась. — Папа не знал, как надо воспитывать девочку. Я ходила с ним на рыбалку, копалась в различной технике, отжималась и боролась с ним на руках. Нежность? Куклы? Плюшевые игрушки? Я никогда не испытывала к этому тяги. Мне было куда интереснее пострелять из его пневматики по бутылкам.

— Значит, вы хорошо понимали друг друга?

— До конца средней школы, — она тяжело вздохнула. — Как бы отец не старался сделать из меня сына, это было невозможно. В начале старшей школы мне нравился один мальчишка, Мияма Ядзиро. Только вот он больше тянулся к Аи. Милые платья, ухоженные волосы, утончённый смех, всё это было у Аи, но не у меня. И когда они уходили вдвоём после школы, мне было так больно. Я бежала домой и рассказывала обо всём папе. Но он не понимал, говорил, что всё это глупости и скоро пройдёт. Но ничего не проходило, Ивару.

Затем популярностью у парней начала пользоваться Юри. До побега её сестры она была совсем другой. Милой, общительной и очень весёлой. Парни так и липли к ней: «Что тебе снилось, Юри-чан? Не хочешь заглянуть в гости, Юри-чан? Погуляем после школы, Юри-чан?». А у меня было иначе: «Рико, дашь велик погонять? Рико, на что окунь клюёт лучше? Рико, давай на пропинку в камень-ножницы!» Думаешь, мне было приятно? Я, может, тоже хотела к кому-нибудь в гости, я тоже хотела погулять с кем-нибудь после школы. Когда даже Уми начала дружить с Кирой-куном, во мне что-то треснуло. Я вернулась домой, надела юбку вместо спортивных штанов, раскрасила багажник велосипеда в цветочки. Что? Я не знала, как быть девочкой. Мне казалось, этого будет достаточно.

Я молчал. Рико разошлась не на шутку. Видимо, внутри у неё скопилось столько боли, которую она уже не могла сдерживать. Её проблемы были от меня далеки и, честно говоря, понять её мне было трудно. Но остановить или перебить у меня не хватало смелости.

— Но даже после этого ничего не изменилось, — её улыбка стала ещё более грустной. — Парни лишь удивлённо спрашивали: «Ты зачем юбку нацепила?» Понимаешь, Ивару?! Они даже не воспринимали меня, как девочку! И вот, заявляешься ты. Странный паренёк из Токио, который рассказал мне про косвенный поцелуй, который гулял со мной, который пригласил меня к себе в гости. Ва! Ты мне так понравился, что аж дышать было тяжело... А потом, появилась Харука. Папа учил меня не плакать по пустякам, но так хотелось. Хотелось схватить тебя за воротник и закричать: «Вот же я! Смотри на меня! Только на меня, Ивару!»

— Рико... — её откровения были столь неожиданными, что мне стало неуютно.

— И знаешь, той ночью, когда я залезла к тебе в спальник, — я заметил, как щёки Рико наливаются красным. — В голове проскочила мысль: «Теперь тебя никто не заберёт, теперь ты будешь только со мной». А после всего я почувствовала себя ужасно грязно. Словно это я убила Харуку.

— Ну что ещё за бред! — я едва ли не вскочил с места. — Никто в этом не виноват.

— Знаю, — она кивнула. — Но каждый раз, когда ты закрываешь глаза и представляешь её на моём месте, я снова падаю в эту грязь.

— Я больше не буду их закрывать, — я схватил её за плечи. — Всё, что случилось в Сатомори, осталось в Сатомори. Теперь есть только Рико и Ивару. Слышишь?

Но она больше не отвечала, продолжая грустно улыбаться, смотря куда-то за странные, тянущиеся по всему небу, облака.

Небольшая фабрика по производству строительных материалов. Ворота с железными прутьями раскрыты, во внутреннем дворе тишина и запустение. Одиноко стояли несколько маленьких грузовичков, аккуратно складированы металлические балки, у забора невозмутимо расположился ровный ряд кирпичных блоков.

Солнце неспешно, но верно заходило за горизонт, окрашивая небо в тёплый оранжевый

цвет. К вечеру стало холоднее, а усталость от долгого похода давала о себе знать. Среди густого леса фабрика была единственным укрытием на ночь.

Без особых колебаний мы поспешили ко входу в центральный комплекс. Шиори сильно преувеличивал, когда рассказывал про размеры этого строения. Трубы с трудом можно было заметить из-за холмов и высоких деревьев. Фабрика оказалась совсем маленькой и работала, судя по всему, для обеспечения близлежащих сёл.

Внутри было ещё больше различных досок и строительных блоков. Замерла длинная конвейерная лента. В общем, в главном здании не было ничего, что могло бы пригодиться в пути. У самого входа ютилась тесная кабинка охраны.

Я со скрипом открыл проржавевшую до самых петель дверь. Конечно, не стоило ожидать чего-то необычного. Дешёвый офисный стул, да стол, на котором стоял старенький монитор телевизора.

На стене висел переключатель, который, по всей видимости, открывал гаражную дверь для грузовичков, что стояли во дворе. Однако, моё внимание привлёк увесистый пистолет, лежащий рядом с монитором.

Я взвесил оружие в руке. Тяжёлое. Охранник, должно быть, крайне беззаботный и невнимательный, раз оставил его в таком легкодоступном месте. Но нам-то это только на руку. Кто знает, когда пистолет пригодиться.

— Чего нашёл? — Рико заглянула через плечо. — Что там?

— Ничего особенного, — я инстинктивно попытался спрятать находку от глаз девочки, но не вышло.

— Ва! — раздалось на всю фабрику. — Пистолет! Дай, дай! Дай посмотреть!

— Разбежалась, — я сунул его в карман, но полностью он не влез. — Тебе только пистолета и не хватало.

— А ты стрелять-то умеешь, Ивару? — она лукаво прищурилась. — Небось, только игрушечные в руках держал.

— И ничего... не игрушечные, — я отвёл взгляд. — Я видел, как стреляют.

— У папы была пневматика, — напомнила мне Рико. — Он учил меня, как обращаться с оружием. Так что давай сюда.

— Не наглей, Рико!

Не успел я опомниться, как она ловко схватилась за рукоятку и молниеносно выхватила пистолет у меня из кармана. Рико принялась вертеть его в руках. Судя по движениям девочки, она действительно знала, что делает.

— Это не боевой, — она вытащила обойму. — Пуля резиновая. Но если попадёт куда-нибудь, больно будет.

Она вернула магазин на место и протянула пистолет мне.

— Надо научить тебя стрелять, — Рико ехидно улыбнулась.

— Я умею, — врал я плохо.

— Ивару-сенпай! — она наигранно приложила руку ко лбу. — Спасите! Они хотят сделать что-то плохое!

— Прекрати кривляться.

— Бах-бах! — Рико поднесла два пальца к губам и всё таким же, пафосно-наигранным голосом, продолжила. — Всё в порядке, малышка. Со мной тебе ничего не угрожает.

— Ты неисправима, — я отвернулся и принялся копаться в ящичках стола.

Исписанные ручки, какие-то тетрадки, разломанная на две части линейка, пустая пачка

сигарет. Ничего полезного здесь не было. Во втором ящичке меня встретила лишь жуткая чёрная пыль. Рико времени тоже не теряла.

Послышалось металлическое лязганье. Девочка открыла личный шкафчик, что весел на противоположной стене кабинки.

— Ва! Ва-ва! — голос её был необычно возбуждённым. — Ого-го! Так тоже можно?!

— Что ты там делаешь? — я развернулся.

Рико с покрасневшим лицом листала глянцевого порно-журнал. Она заворожённо разглядывала пикантные позы, и только боги знают, что в это время творилось в её пустой голове. Я подошёл ближе.

— Смотри-смотри, — она не отрывалась от истёртых страниц. — Это как она так вывернулась?

Я выхватил журнал прямо у неё из-под носа и зарядил доброго подзатыльника. Рико недовольно потёрла место удара и обиженно что-то промычала.

— Вместо этого, — я потряс журналом перед её лицом. — Лучше бы чего полезного поискала.

— Ладно-ладно, — Рико вернулась к настенному шкафчику.

И о чём она только думает?! Я взглянул на полуобнажённую модель на обложке журнала. Не в моём вкусе. Откровенное кружевное бельё, странная поза с закинутыми сверху ногами и какой-то надменный взгляд. Я представил Рико на её месте.

Представил, как она пытается лечь в такую же позу, неуклюже машет ногами в воздухе. И этот взгляд? Думаю, Рико бы при всём желании не смогла изобразить нечто подобное. Я невольно хихикнул.

— Ва-ва-ва, — Рико пристально смотрела на меня. — Значит, заинтересовался?

— Ничего подобного, — я кинул журнал на стол. — Нашла чего-нибудь?

— Такада Коидзуми.

— Чего?

Рико вытащила из шкафчика бейджик на металлической прищепке и протянула мне. Интересно, где сейчас этот Такада? Жив ли он? И почему меня вдруг заинтересовала жизнь какого-то совершенно незнакомого мне человека?

Моя подруга закрыла дверцу шкафчика и развалилась на стуле, методично покачиваясь влево-вправо. Вот уж, кого судьба Коидзуми Такады волновала меньше всех. Посоловевшие глаза Рико, смотрели куда-то сквозь меня.

— Ивару, — она неприлично громко зевнула. — Спать хочу.

— Два спальника тут не поместится, — я осмотрел кабинку.

— Тогда давай в один залезем, — Рико расстегнула молнию на своём рюкзаке и вытащила неаккуратно смятый спальник мешок.

Она задвинула стул в дальний угол, расстелила спальник на полу, с кряхтением стянула с себя кофту, поправила майку, распустила волосы и улеглась в приготовленное «гнездышко». Похлопывая по свободной половине спальника, девочка приглашала меня ко сну.

Для приличия я некоторое время посомневался. Однако, долго притворяться чересчур стеснительным не смог и уже через пару секунд лежал с Рико. Спать с ней в одном спальнике было невыносимо — девочка постоянно крутилась, дёргала ногами, а в критических случаях могла обслюнявить меня во сне. Несмотря на это, вдвоём спать было куда теплее, потому я и не жаловался.

— Вот бы всё так и осталось, — Рико прижалась ко мне. Мягко. Тепло. — Вот бы дым больше никогда не опустился.

— Со дня на день тени снова вернуться, — я закрыл глаза. — Так что будь аккуратна.

— Ты же со мной, Ивару. Мне бояться нечего.

Смогу ли я защитить Рико? Не струшу ли и в этот раз? Харука погибла из-за моей трусости. Если бы тень выбрала меня, если бы я заставил её выбрать меня, Харука была бы жива. Так смогу ли я в этот раз перебороть самого себя?

Если и Рико умрёт, я не знаю, что со мной станет. Эта странная пустоголовая девочка — единственное, что осталось от прошлой жизни. Если и в этот раз тень встанет между нами, смогу ли я защитить Рико?

За этими размышлениями мне никак не удавалось заснуть. Глаза не закрывались, я просто смотрел в серый потолок кабинки, слушал, как сладко сопит девочка у меня под боком и старался гнать плохие мысли вон из головы.

Не получалось...

Протяжный вой. Значит, в этом лесу действительно водятся волки. Хотя, может, у меня разыгралась фантазия и это всего лишь бродячие собаки. В конце концов, не будут волки водиться так близко к человеку.

В маленькое окошко под потолком проникал холодный лунный свет. Ночью фабрика выглядела жутковато. Словно попал прямиком в фильм ужасов и вот-вот из-за нагромождения кирпичных блоков выйдет маньяк с бензопилой.

Рико, в отличии от меня, уснула почти мгновенно. Ко мне же вернулись ночные кошмары. Я даже начал замечать в них закономерность. Что бы мне не снилось, все ужасы происходили в Сатомори. Либо у ещё не разрушенного храма, либо на главной площади.

Я достал из рюкзака пистолет и принялся крутить его в руках. С оружием я и вправду дела никогда не имел. Только в видеоиграх. Но в этом же нет ничего сложного. Правда? Прицеливаешься и жмёшь на курок.

Я выставил оружие перед собой и прицелился в один из стоящих у дальней стены блоков. Зрение сфокусировалось. Всё вокруг, кроме самого блока, потеряло чёткость. Теперь только и остаётся, что выстрелить.

Неожиданно что-то зашевелилось прямиком за кирпичным блоком, который я выбрал своей мишенью. Маньяк?! Неужели тут действительно есть маньяк?! Нет-нет. Глупости. Опять какой-нибудь зверёк и не более.

Я поднялся с порога кабинки и аккуратно двинулся по цеху. Гробовая тишина. Кроме собак-волков в лесах и надоедливых цикад, ничто не нарушало эту жуткую тишину. За блоком никого не оказалось. Опять навывдумывал.

Стоило мне развернуться, как я встретился взглядом с девочкой. Невысокого роста, в спортивной одежде и с рюкзаком. Волосы заплетены в пучок, на лице застыло странное, невозмутимое и отрешённое выражение. Она даже не удивилась столь неожиданному столкновению.

Мы молча смотрели друг на друга и не двигались. Незнакомка замерла в позе, из которой было удобно стартовать на дальние дистанции. Но всё же, мы продолжали пилить друг друга взглядом в полнейшей тишине.

— Ты кто? — почти шёпотом спросил я.

Девочка не ответила. Она лишь нахмурила свои густые брови и сделала пару шагов

назад.

— Эй, чего молчишь?

— Какого цвета лимон? — она сделала ещё шаг.

— Чего? — вопрос прозвучал странно.

— Отвечай! — огрызнулась она. — Какого цвета лимон?!

— Жёлтого-жёлтого, — я неуклюже замахал руками. — Что за глупые вопросы?

— А вкус? Какой у него вкус?

— Ну, кислый, — я совсем растерялся.

— Ты настоящий? — девочка аккуратно начала приближаться. — Не копия?

— Вот оно что, — до меня наконец дошло, отчего она ведёт себя столь странно. — Нет, я не фантом. Я настоящий.

Незнакомка с опаской приблизилась ко мне и тыкнула пальцем в живот, затем принялась, поморщила нос и наконец-таки успокоилась, встав передо мной в полный рост. Она оказалась чуть ли ни на две головы ниже меня.

— Что ты тут забыл? — она неодобрительно посмотрела в сторону кабинки.

— Мы с подругой ищем деревню. Нисиока. Знаешь такую?

— Знаю, — она кивнула. — Это недалеко. Но что вы забыли на фабрике?

— Переночевать больше негде, — я сконфужено осмотрелся по сторонам. — А ты-то кто?

— Такада Аки, — она вновь нахмурила брови. — Я ищу брата.

— Так значит, Коидзуми Такада — твой родственник? — в памяти всплыл бейджик охранника.

— Ты его видел?! Где?!

— Тихо-тихо, — я отмахнулся. — Здесь, я его точно не видел.

— А где ты его видел?! — она едва ли не набросилась на меня.

— Да нигде я его не видел.

— А зачем ты меня путаешь тогда?! — Аки топнула ногой.

— Да не путаю я... — выругавшись про себя, я продолжил. — И давно ты его ищешь?

Девочка вдруг замолчала и отвела взгляд в сторону. Она что-то глубоко обдумывала и методично наматывала на палец локон волос. Лунный свет освещал лишь половину её лица. Довольно симпатичного лица.

Это была не красота в привычном понимании. Слишком густые брови, крупный лоб, высокие скулы и заострённый подбородок. Такую бы не взяли на конкурс мисс мира. Но было в этом лице что-то притягательное. Необычное.

— Так, сколько уже ищешь?

— М... — промычала она.

— Что?

— Ме...

— Скажи нормально, — она постоянно проглатывала окончание.

— Месяц, — выдавила она из себя.

— Довольно давно, — я вздохнул. — Думаешь, он всё ещё жив?

— Конечно, он жив! — эхо от её крика прокатилось по всей фабрике. — Братик вышел, чтобы набрать воды, месяц назад, а потом пропал! Он просто где-то заблудился!

— Ладно-ладно, — я попытался успокоить её. — Будем надеяться, что всё хорошо.

Неожиданно посреди разговора послышался странный вой, совсем рядом. Аки

покраснела и отвела взгляд.

— Что это? — я беспокожно заозирался.

— Ничего, — она прятала взгляд.

Вой снова повторился. В этот раз я отчётливо услышал, что странные звуки раздаются напрямиком из живота девочки.

— Хочешь есть?

Она коротко кивнула и продолжила пилить взглядом бетонный пол цеха. На вид я бы дал ей не больше пятнадцати. Маленькая и худощавая, она едва ли держалась на ногах. Кто знает, когда она в последний раз нормально ела.

— Пойдём, у нас есть немного еды.

Недолго думая, Аки всё же согласилась и поспешила за мной. Мы вернулись к кабинке. Рико, разумеется, уже не спала и недоумевающе оглядывала нежданного пришельца.

После, она перевела взгляд на меня.

— Знакомься, — я указал на свою подругу. — Моя бестолковая подруга — Каватсуки-сан.

Аки поклонилась и осторожно вошла внутрь кабинки. Рико продолжала молча разглядывать нас. Зашумела молния рюкзака. В темноте я с трудом нашёл три консервные банки, унесённые ещё из Сатомори.

— Держи, — я протянул одну из банок Аки.

— С-спасибо, — она недоверчиво разглядывала угощение.

— Перекуси тоже, Рико.

— Что, происходит, Ивару? — она наконец пришла в себя.

— Ах да, — я ударил себя по голове. — Это Аки, они ищут своего брата, который здесь работал.

— Ва... — задумчиво протянула Рико. — А почему ты ищешь его ночью?

— Я и днём ищу, — девочка с аппетитом поглощала тушёнку. — И утром тоже.

— Аки из Нисиоки. С ней мы доберёмся туда намного быстрее.

— Быстрее, — Рико как-то странно на меня взглянула.

— Кстати, Аки, — я наконец справился с крышкой и добрался до своих рыбных консервов. — Ты уже встречалась с фантомами?

— Имеешь в виду, с подделками? — девочка утёрла рот рукавом. — Встречалась и не раз. Вокруг Нисиоки их много.

— Это ведь опасно. Ты научилась их отличать?

— Подделки не различают цветов и вкуса, — кивнула Аки. — Меня братик научил, как отличить подделку от настоящего человека.

— А о других тенях что-нибудь знаешь?

— Конечно, — она отставила пустую банку в сторону и вытерла руки об колени. — Рядом с дымком не слышно цикад и птиц.

— Имеешь в виду морок?

Всего за пару месяцев они так хорошо выучили повадки и особенности теней? Выходит, мало-помалу, люди приспособляются к Хинаю? Может быть, не всё ещё потеряно.

— Когда появляются чёрные шарики, — Аки продолжала, — нужно укрыться в домике и не шуметь. Обычно мы с братиком укрывались в подвале, и он читал мне книжки.

— А в Нисиоке много людей осталось?

— Не-а, — она опечалено вздохнула. — Человек десять, вместе со мной и братиком.

— Тогда отведёшь нас завтра туда?

— Если хотите, — согласилась Аки. — Но тогда поможете мне искать братика?

— Сделаем всё, что в наших силах, — я улыбнулся ей.

— А вы не такие плохие, как я думала, — она улыбнулась в ответ.

— Ивару, давай спать, — Рико закинула металлическую банку в дальний угол кабинки. — Такой хороший сон снился.

— Сейчас лягу, но... — я осмотрел кабинку. — Аки, где ты будешь спать?

— Я не буду, — она замотала головой. — Я недавно проснулась. Покараулю снаружи.

— Уверена?

— Не беспокойся, — Аки поднялась с пола. — Спокойной ночи.

— Спокойной.

Я вернулся в спальник к Рико. Не успел я застегнуть молнию, как девочка обхватила меня и крепко сдавила. Так крепко, что даже дышать стало трудновато. Она что-то едва разборчиво шептала, про себя.

Спрашивать я не стал. Мало ли что приходит на ум Рико. Совсем скоро нам не придётся ютиться в этом неудобном спальнике и можно будет понежиться на какой-нибудь кровати. Ах, мечты! Не думал я, что буду мечтать о таких банальных вещах, как удобная постель.

После еды усталость навалилась с двойной силой, веки потяжелели, и я начал медленно проваливаться в сон. Лишь бы ничего больше не снилось, лишь бы уснуть раньше, чем я что-нибудь увижу.

Запах благовоний успокаивал перед столь важной встречей. Конечно, убийство священника непростительно и непозволительно. Но руки у жреца всё равно тряслись. Мужчина поправил кимоно, прочитал молитву, и принялся смиренно ждать гостя.

Из главного помещения храма была убрана вся роскошь. Гость не терпел излишеств и хвастовства. Жрец знал об этом, как никто другой. Время сейчас беспокойное, всё перемешалось, и смерть старого деревенского священника никто не заметит.

Наконец, дверь с шумом отворилась. В храм зашёл мужчина: высокий рост, длинные, заплетённые в хвост волосы, крайне суровый взгляд. Облегчённый самурайский доспех, заткнутый за пояс **тати*.

Гость внимательно осмотрел храм и сел напротив жреца, подогнув ноги под себя. Напряжённое молчание затягивалось. Глаза мужчины изучали лицо священника, отчего последнему становилось ещё страшнее.

— Господин Ма...

— Я не разрешал говорить, — сухой и жёсткий голос гостя прервал жреца.

Прошло ещё несколько минут. Мужчина продолжал водить взглядом из одного угла храма в другой, словно выискивая что-то конкретное. Становилось душно, а от благовоний, которые ещё недавно успокаивали, начинала кружиться голова.

— Говори, — наконец, тишина была прервана.

— Господин Маэда, — жрец поклонился, коснувшись лбом деревянного пола. — Лишь силами благородного клана **Хосокава*, наши поля дают рис, рыбаки выходят в море, а дома не разрушены врагами. Сатомори всегда была верна роду, которому вы служите.

— Время сейчас не то, что прежде, — гость говорил мерно. — Трудно понять, где твой друг, а где враг. Те, кто ещё вчера клялся дому в верности, сегодня готовы разорвать нас. Время не то, что прежде.

— Истинно так, Маэда-сан, — жрец не поднимал головы. — Но мы — жители Сатомори, верим в силу нашего дома.

— Мало верить, — мужчина усмехнулся. — Свою верность нужно доказывать.

— Мы исправно платим налоги, Маэда-сан, присылаем юношей для доблестных армий рода Хосокава.

— И укрываете беглецов, — всё также жёстко заявил гость.

— Злые языки, господин Маэда.

— Два грязных пса, что решили себе позволить усомниться в мудрости рода Хосокава и призывали людей к бунту против нашего даймё, бежали из-под стражи. Тебе известно об этом, жрец?

— До меня доходили слухи.

— Мои люди сообщили мне, что они отправились на юг и в последний раз их видели в окрестностях вашей деревни.

— Если бы такое случилось, их бы обязательно поймали и отправили на суд.

— Но этого не сделали, — мужчина был всё таким же невозмутимым. — Я знаю, что Ёсира и Чиё Вакада скрываются здесь, в Сатомори. Не знаю, где именно, но это ненадолго, я уверяю тебя, жрец.

— Мы бы обязательно выдали предателя... — священник не договорил.

— У вас есть причина скрывать этих двоих, — гость поднялся в полный рост. — Местные верят в божественность Вакады Чиё. Не так ли? Будто бы она видит kami, словно бы общается с ними.

Жрец промолчал. Он до сих пор не смел поднимать голову.

— Я и мои люди останемся в Сатомори до тех пор, пока преступники не будут выданы, — мужчина развернулся к выходу. — Если этого не будет сделано, молись богам, жрец. Истинно так. Молись богам.

Дверь захлопнулась, снаружи послышалось беспокойное ржание лошади и дробь копыт по земле. Храмовую тишину нарушало лишь пение птиц, что беззаботно радовались прекрасному солнечному дню.

Жрец поднялся с пола, вновь поправил кимоно и вышел наружу. Яркое солнце ударило по привыкшим к полусумраку глазам, а жара обожгла бледную старческую кожу. Мужчина тяжело вздохнул и крикнул:

— Куроко!

Не прошло и минуты, как из-за раюкомойника выбежал невысокого роста паренёк с взъерошенными чёрными волосами. Кимоно было ему великовато и издалека могло показаться, что он одет в обыкновенный мешок.

— Верни всё, что сегодня вынес обратно в храм, — жрец строго взглянул на мальчишку, но тут же смягчился. — Как закончишь, не забудь о молитве. Потом можешь пойти к реке к остальным.

— Вы куда-то уходите, Одзиро-сан? — паренёк утёр рукавом кимоно нос.

— Да, нужно сходить в деревню, — мужчина упёрся на длинную, слегка изогнутую трость. — Надеюсь, боги будут к нам милосердны. Не такие уж мы и плохие. Так ведь, Куроко?

— Конечно, мы неплохие, — кивнул паренёк.

— Вот и я на то надеюсь, — жрец медленно поплёлся в сторону деревни. — Про молитву не забудь.

— Не забуду, Одзиро-сан!

Сатомори, до недавнего времени, оставалась местом спокойным и изолированным от всех мировых проблем. Деревня была слишком маленькой и труднодоступной, чтобы кто-то из знатных родов решил отправлять сюда армии.

Главы дома Хосокава планировали отстроить здесь оборонительный пункт, ибо холмы, окружившие деревню, служили отличной преградой противнику. Но позднее стало ясно, что стратегически Сатомори не несёт никакой ценности и оборонять её не от кого.

Однако с началом эпохи *Сэнгоку, из-за общего отдаления и изоляции, в деревню начали стекаться *ронины, беглые преступники и, потерявшие дома в ходе войны, крестьяне. Неожиданно для всех жителей, их деревня стала приобретать всё большую известность в узких кругах.

Улицы, что ещё недавно пустовали, наполнились незнакомыми людьми, появились новые дома и даже рыночная площадь. Вместе с процветанием на деревню упал и взор дома Хосокава. Теперь клан видел возможности развития Сатомори.

Одзиро Юта медленно шёл вдоль недавно отстроенных хибар и лачуг. Бросал взоры на раскинувшиеся рисовые плантации, наблюдал за шныряющими туда-сюда детьми, слушал отдалённые разговоры местных.

Долго ли продержится это спокойствие? Жрец натянул соломенную шляпу на глаза и покосился на постоянный двор, рядом с которым методично махали хвостами крепкие гнедые лошади явно неяпонского происхождения.

Маэда Такеши — самурай на службе у дома Хосокава, прославился своей хладнокровностью и абсолютной, даже, в какой-то мере, безумной верой в своего *даймё. Многие, кто видел его на поле боя, утверждают, что, убивая человека, выражение лица Маэда никогда не менялось.

Одзиро остановился перед длинным зданием — поместье главы деревни. Жрец аккуратно открыл дверь и прошёл в прихожую дома.

— Прошу прощения, можно войти?

В коридор выглянула девушка. Молодая и пышущая жизнью — дочь главы. Чёрные волосы, спадающие почти до поясницы, утончённое и слегка вытянутое лицо, блестящие глаза с небольшим лукавым прищуром.

— Добрый день, Одзиро-сан, — девушка низко поклонилась. — Рада видеть вас.

— Говорят, встретить священника вне храма — не к добру, — жрец невесело рассмеялся. — Не зря говорят, к слову.

— Что-то стряслось, Одзиро-сан?

— Твой отец — господин Хироки дома? — мужчина снял гэта и аккуратно поставил их в угол.

— Да, — она кивнула. — Прошу, пройдёмте.

Девушка провела Одзиро мимо пары закрытых дверей в самый конец коридора, где расположилась гостиная. Там, спиной к широкому полотну с изображением трёх журавлей, в абсолютной тишине, сидел мужчина.

Длинное домашнее платье, тронутые сединой волосы и уставший взгляд наученного жизнью человека. Хироки Суэно стал главой Сатомори всего три года назад. До этого он успел повоевать на стороне различных кланов: от Такэда до Датэ. Ронин, волей случая прибившийся к Хосокава.

— Прошу прощения за вторжение, — Одзиро сел напротив мужчины. — Есть разговор, Суэно.

— Всегда рад тебя видеть, Юта, — мужчина доброжелательно улыбнулся. — Как дела у храма? Помощь не нужна?

— Нет, храм в полном порядке, — жрец благодарно поклонился. — Есть вещи куда важнее.

— Раз так, то говори.

— Маэда и его люди не собираются уходить из деревни, — начал Одзиро. — Они требуют выдать Чиё и Ёсиру. Боюсь, если они не получат их, пострадает вся деревня.

— Хочешь выдать? — Суэно странно ухмыльнулся.

— Ты знаешь, что меньше всех этого хочу я, — священник горестно вздохнул. — Но нам нужно что-то придумать. От нашего решения зависит судьба всех жителей Сатомори, Суэно.

— Твои предложения.

— Переправить их по морю в соседнюю деревню. Я уверен, если Чиё продемонстрирует свои способности...

— В соседних деревнях столько ушей и глаз Хосокава, что даже зёрнышко риса не упадёт без их ведома, — прервал жреца Суэно. — Беглецов схватят в тот же день.

— Тогда что думаешь ты?

— Мы будем укрывать их до тех пор, пока это будет возможным. Если же Маэда решит действовать, люди не дадут Чиё и Ёсиру в обиду. Поверь мне, Одзиро.

— Где они сейчас?

— Каватсуки-сан, что живёт на самой окраине у моря, приютил их.

— Я бы хотел ещё раз поговорить с Чиё.

— То, что она говорит, беспокоит меня, — Суэно переменялся в лице. — Тяжело поверить в то, что наша захудалая деревенька имеет какое-то там отношение к первородным богам.

— Чиё показывала мне сон, Суэно, — жрец перевёл взгляд на полотно. — Дым был повсюду и запах ему соответствующий. Время словно замерло, понимаешь? Я видел души, Суэно. Наполненные злобой и отчаянием, что рыскали в поисках света. Они живут в каждом из нас, жаждут вырваться на свободу. Чиё считает, что именно здесь, в Сатомори, в месте, где люди должны погрузиться в пучину злобы и страданий, эти души найдут выход наружу.

— И ты веришь в это, Одзиро?

— Не могу не верить, — кивнул священник. — Пока у храма есть жрец, что несёт в Сатомори мир и умиротворение, души живут с нами в гармонии. Но этот баланс всегда стремится нарушиться, Суэно. Даже если это неправда, я не могу рисковать.

— Поступай как знаешь, Одзиро. Я поддержу тебя, если это пойдёт на пользу деревне.

— Я ценю твою дружбу, Суэно.

Невысокая девушка, укутанная в балахон, стояла у окна. Стрижка под мальчика, слегка отрешённый взгляд, узкие губы. Вакада Чиё не отличалась красотой и легко могла затеряться среди толпы.

Позади, на футоне, поджав ноги под себя, сидел юноша. Грозный взгляд, взъерошенные невымытые волосы, местами рваное старенькое платье и выцветший оби. По одним лишь глазам можно было прочесть всю его нелёгкую жизнь.

— Мы принесли сюда неприятности, — ответила Чиё на рассказ Одзиро. — Не стоило нам здесь задерживаться.

— Не беспокойтесь, — уверил жрец. — Вас не выдадут. Деревня будет укрывать вас столько, сколько понадобится.

— Вас не мучают ночные кошмары, Одзиро-сан?

— К чему это?

— Я чувствую, как Сатомори меняется, — Чиё повернулась лицом к жрецу. — Скоро Хинай заявит свои права, Одзиро-сан.

— Но почему именно Сатомори? — священник покосился на молчаливого брата девушки. — Что такого в нашем захолустье?

— Я не знаю, — она покачала головой. — Возможно, ответ на этот вопрос лежит где-то в глубокой древности. Сейчас я могу лишь рассказать вам, предостеречь.

— Предостеречь?

— Знаете, Одзиро-сан, — Чиё прошла по небольшой рыбацкой лачуге, разглядывая сети и прочие принадлежности. — Я вижу души с самого детства. Хинай для меня — родной дом. За всё то время, что я живу, мне удалось узнать все его секреты.

Священник промолчал.

— Мой долгий путь привёл меня в Сатомори, — продолжила девушка. — Сюда меня привели ками. Привели, чтобы спасти.

— И что нам делать, Вакада-сан?

— Храм. Храм — гарант равновесия в деревне, место, что отделяет Хинай от нашего мира. У храма всегда должен быть жрец, Одзиро-сан. Храм приковывает души к деревне. Не дайте его разрушить.

Жрец кивнул.

— Когда Хинай впервые явится во снах — всё, что лежит за холмами, станет для вас запретным. Ваши души будут прикованы к Хинаю. Уйти из Сатомори — насильно оторваться от собственной души. Не мне вам рассказывать, чем это чревато.

— Нельзя будет покинуть деревню?!

— Но можно будет войти. Любой пришедший в Сатомори, станет её частью. Единственный шанс пришельца уйти, оставить заместо себя иную душу, и чем она роднее, тем больше шансов вырваться из лап Хиная.

— А мы? Жители Сатомори могут оставить кого-то взамен себя?

— Нет, — жёстко отрезала Чиё. — Покинуть Сатомори можно будет лишь на сутки, дальше — смерть. Ваши души связаны с этой землёй, вы — часть Хиная. Здесь ваше родовое гнездо.

— Мы же будем отрезаны от мира...

— Земля Сатомори плодородна, леса богаты живностью, а море рыбой. Вы сможете жить здесь ещё долгие-долгие годы.

— Очень сложно всё это принять, — вздохнул священник. — И когда это должно случиться?

— Может, завтра, а может через год, — пожала плечами девушка. — Всё зависит лишь от того, как много прольётся крови и сколько ненависти скопиться в этом месте.

— И вы сможете нам помочь?!

— Хватит вопросов, — она отвернулась. — Я утомилась. Приходите позже, и я всё вам расскажу.

— Но... — жреца снова прервали.

— Моя сестра устала, — раздался низкий бас. — Дайте ей отдохнуть.

— Конечно, — Одзиро низко поклонился и направился к выходу. — Я загляну на днях.

Весь путь до деревни священник размышлял над словами Чиё. Верить в них ему не хотелось, но он видел всё своими глазами: дым, души. Всё выглядело именно так, как описывала эта девушка. И хотя то был лишь сон, впечатлений Одзиро хватило с лихвой. Чтобы там ни было, сейчас главная проблема — Маэда и его люди. Чем дольше они здесь остаются, тем выше шанс, что они найдут Чиё и Ёсиру. И как их спровадить отсюда, не лишившись при этом головы?

За мыслями жрец не заметил, как вышел к главной улице. В рёкане, где остановился самурай со своей свитой, всё ещё горел свет и мелькали силуэты, хотя время уже довольно позднее.

«Чем они там занимаются?» — заинтересовался Одзиро.

Неожиданно дверь гостиницы открылась. Из **рёкана* вышла женская фигура, однако темнота скрывала лицо. Фигура поправила растрёпанные волосы, расправила мятую юкату и двинулась куда-то в сторону центра деревни.

«Знакомая походка, — подметил жрец. — И эти волосы, спадающие чуть ли не до поясницы... Неужели?»

Священник глубоко задумался и натянул шляпу на глаза. В одной из комнат рёкана погасили свет. Никаких звуков, кроме жужжания цикад и редкого пыхтения лошадей слышно не было, людей вокруг тоже не наблюдалось. Видать, визиты незнакомки в гостиницу хотели оставить в тайне.

— Дела, — протянул Одзиро и вернулся к своему пути.

Через некоторое время жрец уже сидел на крыльце молитвенного храма под светом фонаря и приводил мысли в порядок.

«Это была Хироки Хотару? Что она делала у Маэда? Хотя, судя по её внешнему виду, вопрос глупый. Но, когда они успели сблизиться? А если Хотару выдаст ему Чиё и Ёсиру?! Даже неспециально... Хотя, она слишком хитра для того, чтобы проболтаться».

— Одзиро-сан, — рядом с жрецом сел утренний паренёк. — Что-то случилось?

— Много чего, Куроко-кун, — жрец потрепал его по волосам. — Но не забивай пока голову.

— Знаете, Одзиро-сан, все в деревне говорят о предсказаниях Вакады.

— Да? И что же о них говорят?

— Всякое, — пожал плечами Кроко. — Многие ей верят, хотя и побаиваются. Но мне кажется, люди мало понимают, о чём именно говорит госпожа Вакада.

— Может, оно и к лучшему, — жрец взглянул на чистое звёздное небо. — Чем меньше они будут знать, тем меньше глупостей натворят.

— Вы так считаете, Одзиро-сан?

— Так, пора бы уже спать, — священник поднялся с порога. — Ты прочитал молитву?

Паренёк кивнул.

— Иди умывайся и давай на боковую, у нас завтра много работы, Куроко-кун.

Примечания:

Тати — Длинный японский меч тати (иногда его называют также дайто, что и означает в переводе с японского «большой меч»).

Хосокава — японский самурайский род периодов Муромати, Сэнгоку и Эдо в XIV–XIX веках.

Эпоха Сэнгоку — «Эпоха воюющих провинций». Период в японской истории со второй половины XV до начала XVII века. Начался потерей сёгунами династии Асикага контроля над страной, что привело к децентрализации государственной власти.

Ронин — Самурай, потерявший покровительство своего сюзерена, либо не сумевший уберечь его от смерти.

Даймё — крупнейшие военные феодалы средневековой Японии. Если считать, что класс самураев был элитой японского общества X–XIX веков, то даймё — это элита среди самураев.

Рёкан — гостиница в традиционном японском стиле.

Путь до Нисиоки занял около четырёх часов. Аки со знанием дела выбирала едва различимые тропинки и обходила труднопроходимые заросли. Мы с Рико лишь молча следовали за ней.

Когда начиналась деревня и заканчивался лес, было неясно. Не было ни главной улицы, ни каких-либо административных строений. Между деревьями хаотично стояла пара домов.

Сложно было даже назвать это место деревней.

Из людей, я заметил лишь какого-то старичка, который, сидя на крыльце, что-то зашивал. При виде нас он странно поморщился и поспешил вернуться в дом. Больше никого здесь я так и не встретил. Аки привела нас к невысокому, малоприметному домику.

— Здесь мы с братиком живём, — она с шумом отодвинула дверь в сторону. — Заходите.

За домом явно следили. Не было ни пыли, ни разбросанных вещей, ни грязи на полу.

Однако меня смутил странный запах. Приторно-сладкий, едва различимый. В какую бы комнату мы ни зашли, этот запах преследовал меня везде.

— Аки, что это пахнет?

— Пахнет? — она недоумевающе посмотрела на меня.

— Ты разве не чувствуешь?

— Никакого запаха, — девочка пожала плечами.

— Ва! — Рико сморщила лицо. — Действительно, странноватый запахок.

— Да хватит придумывать, — отмахнулась Аки. — Ничем тут не пахнет.

Девочка спровадила нас на кухню и усадила за невысокий столик. Если не обращать внимания на странный запах, обстановка в доме была крайне уютной. Конечно, никаких особенных изысков я не заметил, но от простенькой мебели, успокаивающих бежевых обоев и мягких ковриков на душе становилось легко.

— Ой, — Аки попыталась включить газовую печь, но что-то пошло не так. — Газ закончился. Подождите немного, где-то был запасной баллон.

Она выскочила сквозь дверной проём и скрылась в коридоре. Мы с Рико остались сидеть вдвоём. За окном, кроме ветра, не было никаких звуков. Даже птицы умолкли.

— Затишье перед бурей, — я выглянул в окно. — Вот-вот снова опустится дым.

— Ты хочешь остаться здесь, Торү? — Голос Рико зазвучал серьёзно.

— Не знаю. Я совсем запутался.

— Знаешь, мы с тобой редко об этом говорим, — она смотрела прямоком мне в глаза. — Но я бы хотела узнать, что стало с моими родителями.

— Хочешь вернуться в Сатомори?!

— Однажды, — она кивнула. — А ты? Ты не хочешь узнать, что с твоими близкими?

Я промолчал.

— Я не думаю, что нам стоит оставаться тут, — продолжила Рико. — Нужно добраться до города.

— Зачем? — прохрипел я. — Ты слышала, что сказал Шиори? Города опустели. Там больше нечего ловить.

— И ты ему поверил? — усмехнулась девочка. — Отшельнику, что живёт у дороги на

отшибе?

— Это довольно логично. Город шумный и яркий, а значит, и теней он привлекает куда сильнее.

— То есть, ты сдался, Ивата? — впервые она назвала меня по фамилии.

Я поднял на неё взгляд.

— Решил остаться здесь? Бросить все попытки разобраться в происходящем?

— Разобраться? — я усмехнулся. — Разобраться в чём, Рико? Всё и так уже ясно.

— Говоришь ты, а слова точь-в-точь, как у Юри, — фыркнула Рико. — Если ты не пойдёшь, я уйду одна.

Она хотела добавить что-то ещё, но на кухню вернулась Аки. Девочка с кряхтением тащила с собой красный газовый баллон, на котором белыми неаккуратными английскими буквами было нанесено — *«Propane. Flammable».

Аки с грохотом поставила его на землю. От того, как неаккуратно она обращалась со столь опасным предметом, сердце у меня уходило в пятки.

— Э-э-э, Аки-чан, — я приподнялся со стула. — Давай я помогу...

— Не надо, — прокряхтела девочка. — Я умею.

К всеобщему счастью, Аки всё же сумела водрузить баллон на нужное место и пустить газ. Через пару минут протяжно засвистел старенький алюминиевый чайник, оповещая, что можно начинать чаепитие. Аки достала из буфета несколько чайных пакетиков и зазвенела фарфоровыми кружками.

Я же вытащил из рюкзака то немногое, что осталось из припасов. Консервная банка с сайрой, банка солёных огурцов, два энергетических батончика да немного засохшего печенья. Однако, после долго пути даже такая, на первый взгляд, бедная трапеза вызывала зверский аппетит.

Рико тут же напала на печенье, извращаясь с ним, как только можно: пробовала его и с сайрой, и с огурцами. Аки аккуратно, маленькими кусочками поедала шоколадный батончик. Мы долго молчали, пока, наконец, Аки не нарушила тишину.

— А откуда вы идёте?

— Сатомори — деревня такая есть, — ответил я, глядя в мутноватый чай.

— Сато-мори? — медленно проговорила девочка. — Не слышала о такой.

— Аки, — Рико оторвалась от трапезы. — Есть тут какой-нибудь город поблизости?

— Знаю. Однажды, мы с братиком ездили туда за покупками.

— И далеко он отсюда?

— Мы с братиком ездили на поезде, — Аки задумалась. — Если пешком — далековато будет.

На некоторое время мы снова замолчали. Стало так тихо, что я слышал, как хрустит печенье во рту у Рико. Солнце скрылось за налетевшей тучей, зашумел ветер, оконная рама зашаталась, издавая характерный звук.

Я почувствовал, что консервы в меня больше не полезут, потому решил немного отдохнуть и обдумать план действий. Проверив содержимое рюкзака, который знатно похудел после нашей трапезы, я поднялся со стула.

— Аки, есть комната, где можно прилечь?

— Да, пока братика нет, можешь отдохнуть в его комнате, — девочка указывала в коридор. — Вперёд иди, там дверь с табличкой будет, не пропустишь.

Я кивнул и вышел из кухни. Пройдя мимо ванной комнаты и комнаты Аки, я оказался

перед нужной дверью. На табличке неаккуратным почерком написано имя: Такада Коидзуми. Я неуверенно открыл дверь.

Старый книжный шкаф с удивительно богатой библиотекой, аккуратно застеленная деревянная кровать, столик с ночником и календариком за прошлый год. В окно открывался вид на пожелтевший осенний лес.

Я кинул рюкзак рядом с кроватью и устало на неё завалился, закрыв рукой глаза. И что делать дальше? Не лучше ли нам остаться здесь, вдали от всех опасностей? Не думаю, что тени так часто заглядывают в это жалкое подобие деревни.

И что нас ждёт, когда мы доберёмся до города? Что вообще нас ждёт дальше? Мы идём неясно куда, неясно зачем. У нас нет ни цели, ни даже примерного плана действия. Если так пойдёт и дальше, мы обязательно закончим, как Аи или Харука.

— Харука, — отчётливо произнёс я.

Я достал из рюкзака её тетрадку. Какой же у неё идеальный почерк, словно произведение искусства: «Здравствуйте. Я Мегами Харука. А как зовут вас?» Какое странное ощущение. Вот же её слова, часть Харуки всё ещё у меня в руках, но её самой нет.

Кулон, что она мне подарила, всё ещё висел на шее. Раньше он казался невесомым, но теперь я ощутил всю тяжесть этого подарка. Кулон, точно каменная глыба, тянул меня к земле. Тяжело и больно, но это плата за мою трусость.

Раздался стук в дверь. Не дожидаясь моего ответа, Рико вошла в комнату и застала меня за просмотром тетрадки. В такие моменты она всегда молча ждала, когда я закончу и пыталась отвлечь меня. Но как бы она не старалась, закрывая глаза, я снова и снова представлял рядом с собой Харуку.

— Хочешь, помогу?

— Не сегодня, — я отложил тетрадку в сторону. — Сейчас... сейчас, я хочу поспать.

— Можно с тобой?

Я лишь сдержанно кивнул и отвернулся лицом к стене.

Сатомори. Главная площадь. Вокруг меня снова дым, тёмный и непроглядный, вместо домов лишь пепелища, где-то вдали слышно нечто, напоминающее человеческий плач. Я сделал шаг, под ногой хрустнули обгоревшие доски.

Куда бы я не подался, людей не было, беспрерывно звучали лишь чьи-то отдалённые всхлипы. Что здесь произошло? Я узнаю деревню лишь по общим чертам, такое ощущение, будто бы её перестроили до основания.

С трудом переступая через засыпанные пеплом улицы, я добрался до перекрёстка у рисовых полей. В памяти проскользнуло лицо мёртвой Харуки. К горлу подступил рвотный позыв, который я едва сдержал.

На перекрёстке появилась чья-то фигура. Когда она успела прийти? Всего секунду назад здесь никого не было. Я присмотрелся к незнакомой фигуре внимательнее — из-за мешковатого балахона сложно понять, мужчина это или женщина, лицо окутывал серый дым.

— Извините, — фигура обернулась на мой голос. — А что здесь случилось?

— Здесь? — раздался хриловатый женский голос. — Здесь ничего и никогда не случается.

— Это же Сатомори? Был какой-то пожар?

— Сатомори... — незнакомка задумалась. — Да, я помню. Я была там когда-то давно.

Но ты ошибаешься, мальчик, это не Сатомори.

— Тогда... тогда, что это за место? — мысли в голове начали путаться.

— Можешь назвать это адом, — фигура сделала шаг ко мне. — Можешь — чистилищем.

У этого места нет названия, потому что его некому давать.

— Я вас не очень понимаю.

— Давно я ни с кем не общалась, — незнакомка приблизилась ко мне на расстояние вытянутой руки. — Здесь довольно одиноко, знаешь ли. Как тебя зовут, мальчик?

— Ивата. Ивата Тору, — я поклонился в приветствии. — Могу я узнать ваше имя?

— Имя? — она вновь задумалась. — Какое-то имя было... давно... вспомнить бы.

— С вами всё в порядке?

— Зови меня *Кири... Да, думаю, такое имя мне подойдёт, — даже на таком расстоянии лица девушки я разглядеть не мог. — Ну что, пройдемся, Ивата-кун?

Мы прошли через центр деревни. Вместо школы я увидел лишь сожжённые остатки какого-то дома, некоторых зданий и вовсе не было, да и леса, кажется, прибавилось. Неизменным оставались лишь высокие холмы, что окружали деревню.

По мере того, как мы с Кири шли по улицам, приближался и звук плача. Теперь, я мог точно сказать, что рыдал мужчина. Но рыдал как-то притворно, не по-настоящему, точно давил из себя слёзы.

— Как ты попал сюда, Ивата-кун?

— Я не знаю, — я снова попытался заглянуть в лицо спутницы, но ничего не изменилось. — Я уснул... мы с Рико уснули...

— Правда? Удивительно, — послышался лёгкий смешок. — Знаешь, Ивата, сюда не попадают просто так.

— Просто так?

— Ты что-нибудь знаешь о Хинае, Ивата? — загадочно спросила она.

— Конечно, — я кивнул. — Кажется, сейчас все о нём знают.

— Все? — девушка резко остановилась.

— Кири-сан?

— Так вот куда исчезли боги, — она медленно закивала головой. — Им стало тесно здесь.

— Кири-сан, вы что-то знаете о тенях? Знаете о Хинае?

— А ты не боишься слушать? — даже не видя её лица, я почувствовал, как она ухмыляется.

— Расскажите мне!

Кири звонко рассмеялась, заглушая болезненные всхлипы. Смех её эхом прошёлся по всей деревне и растворился где-то в горах. Она поправила свой балахон, потрепала меня по плечу и вновь повела на звук плача.

Посреди разрушенного дома, в окружении обгорелых досок, битого стекла и пепла, сидел старик. Ужасающе тощий, одетый в жреческое кимоно. Глаза его были столь безэмоциональными и потерянными, что смотреть в них было невыносимо.

Старик не двигался с места, а лишь давил из себя странный вой. На наше появление он не обратил никакого внимания. Кири молча наблюдала за этим странным и пугающим действием, а затем снова заговорила со мной.

— Этот старик хотел знать о Хинае всё, — в голосе её читалась лёгкая тоска. — Хотя я предупреждала его, что это жуткая ноша, и за знания придётся дорого заплатить.

— Что с ним?

— У него нет воли, Хинай сломал его. Теперь он не более, чем оболочка, застрявшая здесь навечно. Такая судьба ждёт всех, кто будет знать слишком много. Боги никогда не позволят людям знать все их секреты. Всё ещё хочешь спрашивать меня?

— Я... я рискну, — я испуганно сглотнул.

— Ну, рискни.

— Что такое Хинай, Кири-сан?

— Хинай — это ни место, ни стихия, ни явление, — она устремила взгляд в затянутое дымом небо. — Это лишь состояние мира. Его отражение, если можно так выразиться.

— Но почему... — я не договорил.

— Пришло время, — Кири словно прочитала мои мысли. — В мире скопилось достаточно ненависти и скорби, чтобы привлечь к себе внимание богов.

— Богов? Вы имеете в виду теней?

— Они рыщут в поисках самых болезненных воспоминаний, самых негативных эмоций, — продолжила девушка. — Их единственная цель — заполнить этот мир. Пожрать его, если тебе так легче. Кто знает, сколько таких миров они уже превратили в своё пристанище.

— Значит, они разумные?

— Разум, — многозначительно произнесла Кири. — Их мышление, ценности и понимание жизни отличается от человеческих. Для них мы не более, чем насекомые, которых нужно вывести.

— С ними можно бороться?

— Ты переходишь черту, Ивата-кун. — Кири отвернулась. — Я предупредила, что есть вещи, о которых знать опасно.

— Тогда ответите на последний вопрос?

Кири промолчала, но вновь развернулась ко мне.

— Сатомори. Какую роль играет эта деревня?

— Я долго искала связь, пыталась понять, чем же эта деревня так уникальна, и какую роль играют храм и жрецы, — она тяжело вздохнула. — Но известно мне было лишь одно — пока у храма есть жрец, боги запечатаны в Сатомори.

— А можно запечатать их назад, если тени... боги, вырвутся на свободу?

— Попробуй собрать молоко в разбившуюся тару, — голос Кири стал жёстче.

— Выходит, всё бессмысленно? Нет никакого смысла пытаться выжить, если боги вырвутся из Сатомори?

Кири ничего не ответила. Стоило мне отвести взгляд, как она испарилась, также неожиданно пропала, как и появилась. Я остался наедине со жрецом, который не переставал наигранно рыдать, глядя в полуразвалившуюся и обгорелую стену дома, на которой виднелись обрывки какого-то холста.

Землетрясение? Нет. Кто-то беспокойно трясёт меня за плечо. Кажется, мне что-то говорят. Но что? Ничего не слышу. В уши точно воды залили. И всё же, тембр голоса разобрать можно. Да-да, это Рико, узнаю этот тревожный голосок.

Что это она так разбушевалась? Не могу открыть глаза и пошевелиться. Что это со мной? Тело совсем меня не слушается. Даже дышать как-то трудно. В таком состоянии кажется, что разучиться дышать не так уж и нереально.

Голос начал приобретать чёткость, я уже различаю некоторые слова, но общий смысл всё равно от меня ускользает. Не могу понять, что так беспокоило Рико. Только же спать легли. Небось, опять какую-нибудь глупость затеяла.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Тору... — послышалось моё имя.

Да-да, Рико, я слышу тебя. Прости, но ничего не могу тебе ответить. Хотя, постепенно контроль над телом возвращается. Дышать уже куда легче, да и конечности ощущаются, как раньше. Что случилось со мной?

Тот сон? Я отчётливо его помню. Даже слишком отчётливо. Что не рассказала мне Кири-сан? Увижу ли я её снова? И кто она вообще такая? Как я мог забыть спросить это? Слушал её и верил, хотя даже не знал, кто эта женщина.

— Просыпайся! — прозвучало отчётливо.

С трудом я поднял веки. Рико нависла надо мной. Вид у неё был, мягко сказать, напуганный. Заметив, что я открыл глаза, она облегчённо выдохнула.

Я перевёл взгляд на окно, но увидел лишь грязно-серый дым. Значит, затишье всё-таки закончилось. Конечно, я не удивился. Оно всегда заканчивалось рано или поздно. Однако, не буду врать, это меня сильно раздосадовало.

— Тору, — теперь Рико говорила тихо. — Что стряслось?

— А?

— Дым спустился час назад, — Рико также взглянул в окно. — Я пыталась тебя разбудить, но ты никак не реагировал. Я думала, ты уже...

— Всё нормально, — я поднялся на локтях. — Где Аки?

— Она сказала спускаться в подвал, как только я тебя разбужу.

— Тогда чего мы ждём?

Мы вышли из комнаты в коридор. Гарь перебивала тот странный сладковатый запах, что царил в доме Аки. Рико провела меня в гостиную и открыла небольшую дверцу в полу. Точно такая же дверь была и у Шиори.

Вниз вела длинная деревянная лестница. Чем глубже мы спускались, тем сильнее становился приторный запах. В самом низу нас ждал небольшой коридорчик и фанерная деревянная дверь, ведущая в соседнюю комнату.

Запах здесь стал просто невыносимым и от него уже откровенно тошнило. Рико, закрывая нос рукой, толкнула дверь, та со скрипом поддалась и открыла нам вид на небольшое помещение. Помимо полочек с различными припасами и двух грязных футонов, прислонившись к стене, сидел силуэт мужчины с опущенной головой.

Аки лежала на одном из футонов и листала какой-то журнал, по-детски дрыгая ногами в воздухе. На жуткий запах и странного соседа она даже не обращала внимания. Когда мы вошли, она отложила журнал и повернулась.

— Заходите, — девочка махнула рукой. — Тут они никогда нас не достанут.

— А-Аки-чан, — я указал на неподвижный силуэт. — Кто это?

— Где? — Аки недоумевающе начала смотреть по сторонам. — Я никого не вижу.

— Аки, — Рико вышла вперёд. — Что это за человек?

— Вы решили меня разыграть? — улыбнулась девочка.

Рико подошла ближе к силуэту, но тут же резко отпрянула и схватилась за рот, с трудом сдерживая рвоту. Переведя дух и отдышавшись, она пугающе на меня посмотрела, затем медленно подошла ближе.

— Он уже гниёт, — прошептала она. — Кто знает, сколько времени.

— Кто это?

— Не успела даже разглядеть лица, — Рико побледнела.

— Что вы делаете? — Аки продолжала смотреть на нас непонимающими глазами.

Теперь к трупу подошёл я. Переборов страх и отвращение, я опустил на корточки и заглянул в лицо. Он определённо лежит тут уже больше месяца, плоть постепенно отставала от костей, вонь была невыносимая.

Дрожащей рукой я полез в нагрудный карман рубашки, который слегка оттопыривался. Оттуда я извлёк водительское удостоверение.

Об этом можно было догадаться, но я старался не верить до конца. В графе, где пишут имя и фамилию, чёрным по белому нанесено: «Такада Коидзуми». Я показал находку Рико. Та перевела взгляд на Аки.

— Узнаёшь? — Рико села рядом с девочкой и протянула ей удостоверение.

— Да! — Аки принялась вертеть его в руках. — Это братика! Вот, видишь, написано: «Коидзуми»!

— Что здесь произошло? — Рико решила выпросить всё напрямую.

— Произошло?

— Твой брат мёртв, — она указала на тело. — Уже больше месяца, это точно.

— Откуда ты знаешь?! — занервничала Аки.

— Ты что, правда не понимаешь?

— Братик ушёл за водой и пропал...

Рико схватила девочку за руку и силком подтащила к трупу. Сперва складывалось стойкое ощущение, что Аки и вправду не видит тела и не чувствует запаха. Однако теперь стало ясно, что здесь что-то не так.

— Кто это? — жёстко спросила Рико.

— Г-где? — голос у Аки дёрнулся.

— Кто это? — Рико слегка толкнула девочку ближе к телу.

— Что вы... здесь же нет никого... — Аки попыталась пятиться, но Рико остановила её.

— Отвечай! — крикнула Рико.

Аки замерла.

— Рико, — я положил ей руку на плечо. — Не стоит так...

— Это... не братик... — выдавила из себя Аки.

— Ну, — Рико снова начинала меня пугать своей серьёзностью. Будто совершенно другой человек. — Что здесь случилось?

— Братик ушёл за водой... месяц назад, — продолжала твердить своё Аки. — Ушёл и не пришёл...

— Что, здесь, случилось? — отрывисто повторила она.

— Братик ушёл за водой...

— Прекращай нести эту херню!

— Но пришёл уже не мой братик, — наконец, Аки развернулась к нам.

Глаза её были потерянными, взгляд рассеянным, а на лице замерла гримаса боли, точно её огрели кнутом по спине.

— Глаза у него были красные, он ругался и что-то искал, — Аки перевела взгляд на труп. — Когда я попыталась ему помочь, он ударил меня. Братик бы никогда меня не ударил, а этот...

— И что потом? — Рико смягчилась.

— Он спустился сюда, раскидал всё, но так ничего и не нашёл, — Аки затрясло. — Потом... он позвал меня к себе... Трогал меня... Такого бы братик никогда не сделал! Я ударила его по голове и убежала, закрыв здесь. С тех пор я ищу настоящего братика!

— Аки... — я не мог смотреть в её жуткие глаза. — Это он и есть... никаких сомнений.

— Нет, — она болезненно улыбнулась. — Это не Коидзуми. Коидзуми ушёл за водой и пропал.

Примечания:

«Propane. Flammable.» (англ) — "Пропан. Огнеопасно".

Кири (яп. 霧) — туман.

— Я не позволю жалкому перебежчику так общаться со мной! — голос Маэда раздавался на всю деревню. — От моего задания зависит благополучие клана. И если кто-то будет мне препятствовать, помани моё слово, тот отправится к праотцам.

— Маэда-сан, — Хироки окинул самурая взглядом. — Это моя деревня, и люди жалуются на беспокойство. Если вы прекратите вламываться в дома, запретите своим людям воровать и, наконец, заплатите за постой — можете оставаться в Сатомори сколько угодно.

Глава деревни и Маэда столкнулись у одного из домов на центральной улице. Дверь в приземистое строение была выбита, а вокруг собрались селяне и люди клана Хосокава. Назревал крупный скандал.

— Я прибыл сюда по указанию даймё! — прорычал Маэда. — Вы должны благодарить меня только за то, что я не перевешал вас всех за измену и укрывательство!

— Укрывательство? Вы уже неделю ищите беглецов, — злорадно усмехнулся Хироки. — Возможно, они уже на другом конце Японии.

— Нет, они здесь, — Маэда также недобро ухмыльнулся в ответ. — Я это прекрасно знаю.

— Откуда такая уверенность, Маэда-сан?

— Я знаю, этого достаточно, — он жестом подозвал к себе двух людей, стоящих у входа в дом.

Неожиданно из толпы вышел мужчина. Невысокого роста, бритый наголо, одетый в серое, довольно изношенное платье. На его грозном, тронутом морщинами лице, читалось явное раздражение. Он встал чуть позади Хироки.

— Ваши люди забрали у меня почти весь урожай! — прокричал он. — А у меня, между прочим, две дочки! Чем вы прикажете их кормить?! Верой в даймё?!

— Да-да! — послышалось из толпы. — Один из ваших приставал к моей жене! Слава богам, люди помогли. И какое ему наказание?! А?!

Народ зашумел, каждый выкрикивал в сторону Маэда претензии. Однако лицо самурая оставалось невозмутимым. Мужчина даже бровью не повёл, словно вслушивался в каждый голос, всматривался в лица окруживших его селян.

— Дела-дела, — растолкав народ, в центр вышел Одзиро. — Неужто, Маэда-сан, вы не можете навести порядок у себя в рядах?

— Какое твоё дело, старик? — огрызнулся Маэда. — Иди молись. От тебя большего и не требуется.

— Вы недооцениваете роли жрецов, Маэда-сан, — священник поклонился. — Не молитвами едины. Когда народ возмущён, только мы можем воззвать его к разуму.

— Так взывай, — мужчина обвёл толпу руками.

— Сейчас я бы хотел обратиться к вам, — Одзиро опёрся на свой посох.

— Ну, что ещё?

— Я бы посоветовал вам быть осторожнее, — продолжил жрец, — положение нашего даймё, к сожалению, шаткое. Если ко всем проблемам прибавятся бунты в сёлах, клану это может выйти боком.

— Не тебе меня учить, старик, — Маэда грозно нахмурил брови. — Я говорил, чем быстрее мы найдём беглецов, тем вам будет лучше.

Одзиро лишь промолчал и взглянул на Хироки, который пытался вести переговоры с толпой рассерженных крестьян. Атмосфера в Сатомори стремительно накалялась, казалось, еще немного, и клетки тела прочувствуют её. По обе стороны росло недовольство.

В рядах Маэда — голодные от недостаточного снабжения солдаты шли на радикальные методы, разграбляя селян. Селяне же, недовольные ситуацией, хаотично выплёскивали ненависть на всё вокруг.

— Возвращайтесь к работе! — рявкнул самурай. — Не о чем здесь больше говорить.

Постепенно, собравшаяся толпа начала расходиться и всё возвращалось на круги своя. Маэда направился в сторону рёкана. На площади остались лишь Хироки Суэно и Одзиро Юта. Оба смотрели в спину уходящему Маэда.

— Так больше продолжаться не может, Юта, — серьёзно заявил глава деревни. — Нужно что-то решать.

— Что ты предлагаешь, Хироки?

— Мне тут ветер принёс весточку, — в полголоса произнёс тот. — Оути стягивают войска у Киото.

— Снова попытаются занять столицу?

— Если это так, то наш достопочтенный даймё попытается призвать туда как можно больше сторонников, способных держать меч, — Хироки осмотрелся. — наших гостей можно попробовать незаметно переправить во владения других кланов.

— Но, как долго нам ждать Оути? Люди недовольны, Суэно.

— Маэда неглупый человек. Если люди будут голодать, подвергаться нападкам и терпеть лишения лишь из-за двух беглецов, они скорее выдадут их, чем возьмутся за вилы...

— Но?

— Но Маэда не понимает, где оказался, — Хироки усмехнулся. — В Сатомори всю жизнь шли беженцы со всей округи. Мы научились держаться вместе, ибо каждый из нас находился в подобной ситуации.

Священник и Хироки двинулись в сторону поместья. Некогда спокойные и тихие улочки Сатомори пропитались ненавистью и недоверием. Люди старались не выходить лишний раз из домов и не выпускали своих детей без особой необходимости.

В поместье их уже поджидала Хотару. Девушка встретила мужчин низким поклоном и предложила пройти в гостиную, подготавливая оную для чаепития. Одзиро всё ещё помнил тот женский силуэт в ночи, который ему удалось застать недавно.

— Кстати, Юта, — Суэно остановился у входа в гостиную. — Чиё передала тебе письмо. Кажется, что-то важное.

— Письмо? — священник задумался. — Давай-ка его сюда.

Хироки сдержано кивнул и удалился в соседнюю комнату. Из-за двери послышалось шуршание бумаг. Судя по всему, комната служила Суэно рабочим кабинетом. Одзиро остался один на один с Хотару.

— Присаживайтесь, Одзиро-сан, — девушка указала на место рядом с невысоким столиком. — Чай скоро будет готов.

— Благодарю, — Одзиро с кряхтением опустился в позу сэйда.

— В деревне сейчас неспокойно, Одзиро-сан, — Хотару взглянула на жреца через плечо. — И чем всё это закончится?

— Скажи, Хотару-чан, — священник внимательно осмотрел девушку. — Как близко ты знакома с Маэда Такеши?

— С Маэда-саном? — она поставила поднос с чашками на стол и задумалась. — Однажды я приезжала в Киото. Это было около года назад. Я встретила с ним на рыночной площади. Подумала ещё: «Надо же, такой знатный и состоятельный человек, не брезгает обыкновенным городским рынком».

— И далее?

— Маэда-сан не особо разговорчивый, — она странно улыбнулась. — Он предпочитает действие вместо болтовни. Поэтому долгих разговоров мы не вели.

Из коридора послышался шум шагов и в гостиную вошёл Хироки. В руках он держал небольшой обрывок бумаги, свёрнутый в несколько раз. Мужчина сел напротив Одзиро и протянул бумажку.

«Одзиро-сан, вы многое сделали для нас с братом, и мы благодарны вам за это. Но я хочу предупредить вас, дорогой друг. Я уже многое поведала о Хинае, возможно даже больше, чем следует. Если вы и дальше продолжите расспрашивать меня, может стать так, что вы, как и я, станете его пленником.»

«Есть вещи, Одзиро-сан, которые людям знать не позволено. Я с рождения обещаю Хинаю, я свылась с мыслью, что однажды придёт время, когда мне придётся остаться там навсегда. Но как Хинай повлияет на Вас, мне неизвестно. Прошу вас, Одзиро-сан, прекратите приходить ко мне, прекратите расспрашивать о Хинае. Это моё вам предостережение. Спасибо за всё, Одзиро-сан».

— Что-то важное, Юта? — Хироки взволновано взглянул в глаза священнику.

— Нет, — но тот лишь болезненно улыбнулся. — Не важнее, чем проблемы с Маэда.

— Хотару, принеси-ка нам сакэ!

— Не нужно, Суэно, — Одзиро поднялся и низко поклонился сперва Хотару, а затем Суэно. — Меня ждут дела в храме. Выпьем в другой раз.

— Как знаешь, — вздохнул Хироки. — Будь осторожен, Юта. Не знаю, что ты задумал и к чему это приведёт, но будь осторожен с Чиё.

— Всё будет в порядке, Суэно, — кивнул жрец. — Я сделаю всё, чтобы Сатомори выстояла все напасти.

Босые ноги девушки проваливались в мокрый песок, на подол кимоно накатывались тихие морские волны. Небо, хотя и чистое, отливало серыми красками, нагоняя тоску. Где-то там, за облаками раздавались крики чаек.

— Я просила вас, — Чиё даже не развернулась. — Хватит вопросов.

— Вакада-сан, — Одзиро низко поклонился. — Вам опасно находиться здесь, если люди Маэда...

— Прошу простить мою неосторожность, — девушка вышла из воды. — Мне было тяжело сидеть столько времени взаперти.

— Я понимаю, — кивнул священник. — Скоро всё решится.

— Вы пришли сюда по этому поводу?

Одзиро замолчал. Чиё читала людей по глазам, ей не нужен был ответ на такие банальные вопросы. Она глубоко вздохнула и позвала Одзиро за собой в небольшой лес, что находился недалеко от рыбацкой хижины.

Они молча прошли по вытоптанной среди кустарников и различных трав тропинке. Всё это время Чиё будто что-то обдумывала. Она сосредоточено смотрела себе под ноги, лишь изредка переводя взгляд на окружение.

Путь завершился на небольшой полянке. Чиё вышла в середину и расслаблено легла, блаженно вытянув руки и ноги.

— Вакада-сан...

— Здесь замечательное место, — умиротворённо произнесла она. — Была бы возможность, я бы проводила здесь дни напролёт.

— Я хотел поговорить, — Одзиро робко подошёл ближе.

Девушка приподнялась и окинула жреца странным, неестественным взглядом. Сложно было разобрать, о чём сейчас размышляет Чиё, но что бы это ни было, оно явно тесно связано с Одзиро лично.

— Вы так много рассказали о Хинае, — продолжил он. — Всё это я тщательно заносил в свитки... но, кажется, не хватает последнего компонента.

— Да? И чего же? — безынтересно, уже зная ответ, спросила девушка.

— Как бороться с богами? Можно ли их убить?

— Думаю, не мне вам рассказывать, что случается с душой после смерти, — Чиё вновь опустила на траву. — Она покидает тело, сливаясь в гармонии со всем нас окружающим. Мы становимся теми, кто будет оберегать наших потомков, направлять их. Мы становимся ками.

Одзиро лишь слушал.

— А знаете, что происходит с теми, кто отдаёт свою душу Хинаю? Кто постигает его от начала и до конца? — она закрыла глаза. — Душа того несчастного будет вынуждена навеки остаться в чистилище, среди богов. Вечность в мире, где нет ничего, кроме дыма и гари. Вы готовы к этому, Одзиро-сан?

— Если это поможет спасти людей, я готов на эту жертву.

— Гарь и дым — всё, что нужно богам, — как не в чём ни бывало продолжила Чиё. — Им не нужен воздух, солнце ослабляет их, а луки и мечи не наносят никакого вреда. Боги кажутся всесильными, ужасающими и бессмертными.

— И всё же?

— Хи-най, — отрывисто проговорила она. — В мире, где обитают боги, нет лишь одного — яркого, первобытного, горячего огня. Стоит лишь загореться пламени, как боги испытают нестерпимый ужас, словно простые звери. Точно сухой хворост, они вспыхивают и сгорают без следа, стоит лишь коснуться пламени.

— Огонь? И всё? Так просто?

— Боюсь, не так просто, как вы думаете, — Чиё грустно улыбнулась. — То, что я вам рассказала — знать людям запрещено. Отныне, вы, мой дорогой друг, связаны с Хинаем. Воспринимайте это как контракт. Знания, в обмен на вашу душу.

— Я ничего не почувствовал, — Одзиро оглядел себя с ног до головы.

— Это пока, — девушка поднялась с земли. — Вы совершили глупейшую ошибку, Одзиро-сан.

— И почему же? Теперь мы сможем бороться с этими богами!

— Кто «мы»? — звонко засмеялась она. — Я и вы, Одзиро-сан? Кого вы готовы обречь на вечные муки? Кого вы готовы принести в жертву Хинаю?

Одзиро промолчал.

— Есть вещи, Одзиро-сан, которых люди знать не должны, — она отвернулась от священника. — Вы понимаете меня?

Но священник лишь отвёл взгляд в сторону, пытаясь осмыслить всё сказанное.

— Надеюсь, что понимаете, — Чиё зашагала в противоположном направлении. — Я бы хотела сходить к реке. Мой брат внимательно следит за передвижением патрулей, так что можете не беспокоиться за мою безопасность, Одзиро-сан.

— Куроко! — раздался голос с другой стороны берега. — Давай быстрее! Если не успеешь, я всю крупную выловлю!

Черноволосый мальчик кивнул и, ловко перепрыгивая препятствия на пути, бросился вверх по течению реки, в сторону ближайшего моста. Великоватое кимоно сменилось на неаккуратно сшитые льняные штаны и лёгкую накидку.

Куроко попал в храм будучи совсем ребёнком, потому совершенно не знал о прошлом. Одзиро не рассказывал ему ни о родителях, ни о месте, где мальчик родился. Единственное, что Куроко знал — это свою фамилию: Комаэда.

Мальчик не жаловался на свою жизнь. В отличие от многих детей-селян, он не голодал и не вынужден был трудиться в полях. Всё, что входило в обязанности Куроко — следить за чистотой в храме, менять благовония и выполнять другие мелкие поручения.

Одзиро, хоть и строг, однако всегда был добр к своему ученику и редко что-то ему запрещал. Потому, Куроко любил проводить время у реки с другими детьми, занимаясь отловом рыбы или простым нырянием.

Почти добежав до моста, Куроко заметил странное копошение в воде. Остановившись и приглядевшись, он обнаружил, что над водной гладью виднеется чья-то голова. Рядом, на берегу, лежало кимоно и стояла пара гэта. Мальчик остановился.

Его появление не осталось незамеченным. Внимательным взглядом странных, отрешённых глаз, Куроко оценивала Вакада Чиё. Впервые он увидел Чиё, когда Одзиро выхаживал её в храме. Сперва он боялся странных слов и этих глаз, что словно смотрят сквозь человека. Но со временем привык.

Когда Чиё закончила с изучением мальчика, на её лице проскользнула двусмысленная улыбка. Девушка поднялась из воды. Несмотря на невыразительное лицо, тело её выглядело здоровым и пышущим жизнью.

Соблазнительные изгибы талии, небольшая, но аккуратная и притягательная грудь, мокрая кожа блестела при дневном свете. Чиё не переставала улыбаться, глядя на Куроко, отчего у последнего перехватило дыхание.

— Ты же храмовый мальчик, верно? — она вышла из воды и нагнулась за кимоно.

— В-Вакада-сан? — Куроко не мог оторвать взгляда от девушки, хотя очень старался. — Что вы тут делаете?

— Сидеть взаперти — такая скука, — усмехнулась она. — Захотелось немного освежиться.

— Вас... вас... — что-то внутри заколотилось и слова совсем не шли.

— Меня? — она расправила кимоно, внимательно оценивая его.

— Не могли бы вы... — Куроко невольно задержал дыхание. — Кимоно...

— Что-что? — девушка вновь перевела ехидный взгляд на мальчика. — Я не понимаю тебя, Куроко-кун.

— Ваше кимоно, — испытание становилось для него всё тяжелее. — Не могли бы вы... надеть его?

— Надеть? — Чиё провела рукой по одежде. — Его?

Куроко кивнул.

— Зачем? Тебе не нравится, как я выгляжу без него?

— Нет-нет! Нравитесь... то есть... — щёки парня окончательно налились краской.

Девушка громко и звонко рассмеялась, затем накинула на себя кимоно и ловко повязала оби. Странноватая улыбка не сходила с её лица, хотя и стала чуть более добродушной. Чиё присела на один из обточенных водой камней и провела ладонью по коротким волосам.

— Раньше у меня были длинные волосы, — сказала она, даже не поворачиваясь к Куроко лицом. — Мягкие, как шёлк и чёрные, словно ночное небо.

— Но вы их остригли?

— Верно. С такими длинными волосами неудобно уходить от погони и пробираться через леса. Знаешь, к ним постоянно норовит что-нибудь прицепиться: репейник, листья, или чья-нибудь крепкая хватка. А ещё, если за ними не ухаживать, могут завестись вши.

— Когда Маэда-сан уйдёт, вы снова сможете их отрастить, — Куроко всё это время стоял на месте в абсолютном оцепенении.

— Но знаешь, — она в очередной раз бросила на парня неоднозначный взгляд. — Такие волосы намного легче мыть.

— Скажите, Вакада-сан, — Куроко набрал в лёгкие побольше воздуха. — То, что вы говорите про Сатомори — правда?

— А ты мне не веришь, Куроко-кун?

— Я... я не знаю.

— Да, правда, — подтвердила Чиё. — До самого последнего слова — всё правда.

— Значит, мы всё равно умрём?

— Почему же, — она невесело усмехнулась. — Если будешь слушать меня, Куроко-кун — не умрёшь.

— А боги? Они скоро придут?

— Слишком много вопросов, Куроко-кун, — она развернулась к мальчику полностью. — Всеми своё время. А пока беги, куда бежал. И о том, что сегодня видел, никому ни слова. Понял?

— П-понял, — парень низко поклонился.

— Ну и славно, — Чиё улыбнулась.

Огонёк свечи нервно поддёргивался, создавая иллюзию, словно тени на стенах рёкана живые. Футон — твёрдый и неудобный, но с этим приходилось мириться. Маэда не любил людей, которые не умели терпеть.

Самурай пустым взглядом смотрел в потолок и молчал. Его грубая ладонь сжимала небольшую нежную руку девушки, что лежала под боком и также молча осматривала мужчину. Многочисленные шрамы и рубцы на теле, некоторые из них были совсем свежие и только-только начинали зарастать.

Маэда был чуть старше тридцати, но лицо его уже украшали глубокие морщины, а волосы местами тронуты сединой. Можно было только догадываться, где побывал этот человек и сколько он перенёс.

Хотару высвободила руку и провела пальцами по тяжело вздымающейся груди. Он перевёл на неё холодный взгляд. Нет, Маэда понимал, что такое любить и хотел бы посмотреть на Хироки Хотару совсем другим взглядом. Только он забыл как.

— У тебя были женщины до меня, Такеши?

— Были, — коротко ответил он.

— Они, наверное, куда изящнее и теплее меня, да?

— Нет, — всё такими же обрывками фраз продолжал самурай.

— Скажи, Такеши, — она прижалась к нему. — Ты мог бы взять меня в жёны?

В этот раз он промолчал и снова уставился в потолок, сделав вид, будто пропустил вопрос мимо ушей.

— Мы бы уехали в Киото, подальше ото всех, — Хотару мечтательно закрыла глаза. — Я бы родила тебе сына, Такеши. Такого же сильного, как и ты.

— Вакада, — произнёс Маэда, — они здесь?

— Может и здесь, а может и нет, — глаза девушки хитро блеснули.

— Рано или поздно я их найду. И я не буду делать поблажек, Хотару.

— Даже для меня?

Он снова промолчал.

— Знаешь, — она приподнялась с футона, прикрываясь одеялом. — Кажется, Одзиросан начал догадываться о нас с тобой.

— Неужели, — раздался хриплый смешок.

— Сегодня он спрашивал меня о тебе, — кивнула Хотару. — Я ему ничего не рассказала... но, будь осторожнее, Такеши. Я очень волнуюсь.

— Осторожничать не имеет никакого смысла, — твёрдо заявил он. — Быть готовым принять бой — да. Всегда помнить о неизбежности смерти — да. Но прятаться и трястись, самураю не пристало.

— И для чего всё это, — Хотару устремила взгляд в окно, за которым на деревню уже опустился ночной мрак. — **Бусидо*, честь, самураи, даймё? Почему нельзя скинуть с себя все эти условности, Такеши? Почему, нельзя жить как все обычные люди?

— Уже поздно, — он поднялся на ноги. — Если не вернёшься домой, могут возникнуть проблемы.

— Ты же хочешь, чтобы я осталась до утра?

— Нет, — коротко ответил Маэда. — Иди.

Хотару принялась неспешно одеваться, затем расправила свои длинные волосы, что спадали до самой поясницы и вновь подошла к мужчине, обхватив его сзади и положив подбородок на плечо.

— Хорошая ночь, правда, Такеши?

Ответа не последовало, самурай лишь сдержанно кивнул, глядя на силуэты покачивающихся на ветру деревьев да на гордые возвышенности холмов, скрывавших Сатомори от всего остального суетливого мира.

— Я люблю тебя, Такеши, — будучи уже у двери, произнесла Хотару. — Больше, чем кто-либо.

Но и в этот раз, кроме молчания, девушка ничего не услышала. Тяжело вздохнув, она задвинула за собой дверь. Послышался топот босых ног по деревянной лестнице, который с каждой секундой становился всё тише и тише.

Когда звук окончательно затих, Маэда затушил свечи и вышел на балкон, подняв взгляд к усеянному звёздами небу. Лёгкий ветер обдувал лицо, пробирался в волосы и пробегал по старым ранам.

— Хорошая ночь, — глубоко вздохнув, ответил самурай.

Примечания:

Бусидо — Кодекс самурая, свод правил, рекомендаций и норм поведения истинного

воина в обществе, в бою и наедине с собой, воинская мужская философия и мораль, уходящая корнями в глубокую древность.

— Может, отправишься с нами, Аки? — я поправил рюкзак, который неудобно устроился у меня не спине. — Одной здесь небезопасно.

— Не могу, — она грустно улыбнулась. — Я должна найти братика. Я уверена, он всё ещё где-то здесь.

Девочка перевела взгляд на небольшой бугорок земли, что образовался недалеко от забора. Правильно ли мы поступаем, оставляя её одну? Первый попавшийся фантом в виде её брата может стать для Аки концом.

Я ещё раз взглянул ей в глаза. Бойкие, пылающие странным пламенем, железной уверенностью и убеждённости в своей правоте. Нет, эта девочка так просто не сдастся.

Она месяц выживала одна, скитаясь по округе в поисках несуществующего брата. Аки сильнее, чем кажется.

Мы с Рико низко поклонились юной хозяйке дома и двинулись по направлению, где, по её словам, находился город. На самом деле, с географией у меня было плохо, и какие поблизости находятся города, я не знал. Потому, что ждёт нас впереди, оставалось для меня тайной.

Моя спутница вновь стала той самой Рико, которую я знал. Даже несмотря на то, что дым до сих пор скрывал от взора всё, что находилось дальше пары метров, она старалась не унывать. Рико шла впереди меня, внимательно всматриваясь в окружение.

Кто же ты, Рико? Я совершенно не понимаю тебя. Где ты настоящая? Может быть, та заносчивая, вечно весёлая девочка на самодельном велосипеде и есть настоящая Каватсуки Морико? Или же та серьёзная и ответственная особа, что появляется в критический момент — есть истинная ты? Столько вопросов и ни на один ты не дала мне ответа, Рико.

Не осталось никого более: ни Юри, ни Аи, ни Уми, ни Харуки. Выжила только ты, Рико. Словно внутри тебя есть нечто, которое отчаянно хватается за жизнь, не смотря ни на какие трудности. Ты не знаешь, что произойдёт с тобой через день, но всё равно уверенно шагаешь вперёд.

Уходить из Нисиоки было намного легче, чем когда мы шли сюда. И дело даже не в опустевших рюкзаках. Деревня находилась на возвышенности и при спуске ноги сами несли нас вниз. Я оглянулся на затерянные среди деревьев домики.

Мы могли бы остаться у Шиори, могли бы остаться здесь. Но по каким-то непонятным причинам мы продолжаем двигаться. Словно два бестолковых светлячка в тумане, которые изо всех сил пытаются найти выход из непроглядной завесы.

Через некоторое время мы вышли на шоссе. Всё такое же пустое и тихое. За весь путь до шоссе мы так и не увидели теней. Видимо, я был прав, полагая, что они предпочитают более оживлённые и шумные места.

— Скажи, Ивару, — Рико прервала молчание, что длилось всё это время. — Ты никогда не думал, как много в мире странных людей?

— Странных людей?

— Ну, взять, например, Аки, — Рико замедлила шаг и сравнялась со мной. — Продолжает искать собственного брата, хотя прекрасно ведь понимает, что его уже нет.

— Думаю, для неё это смысл существования, — я в очередной раз оглянулся на пройденный нами путь. — Важен не результат, а сам процесс поисков.

— А Шиори-сан? Столько лет он прожил один, и даже в такой жуткой ситуации отказывается от помощи.

— Так ли много изменилось для него? Сама подумай, с людьми он не общался, жил в полном уединении. Тени? Да, неприятно, но для Шиори-сана это не более чем мелкая неприятность.

— Раньше мне казалось, что весь мир похож на Сатомори, — продолжила она. — Я даже представить не могла, что лежит там, за холмами. Ва! А мир-то, совсем другой. Представляешь, Ивару?

— Ты расстроена?

— Не знаю, — Рико неопределённо пожала плечами. — Я даже не задумывалась.

А шоссе всё вело нас вперёд, сквозь непроглядную завесу дыма.

Городок встретил нас крайне недружелюбным взглядом занавешенных окон и пустующими проспектами. Всё выглядело как на съёмочной площадке, где снимался очередной стереотипный фильм о зомби-апокалипсисе.

Однако никаких зомби не было. Мы шли мимо опустевших кафе и магазинов, мимо оставленных на проезжей части машин, мимо администрации со спущенным государственным стягом. И хотя людей на улице не наблюдалось, я чувствовал на себе чьи-то взгляды.

Засмотревшись на окружающие нас «красоты», я едва ли успел затормозить перед вытянутой рукой Рико. Впереди, между автомобилями, медленно покачиваясь из стороны в сторону, рыскали две тени. Нас, к счастью, они пока что не заметили.

Не говоря ни слова, Рико сделала шаг назад и жестом позвала за собой. Любой, даже самый тихий звук мог нас выдать. Однако за время, проведённое в лесах Сатомори, мы научились двигаться достаточно осторожно, чтобы не привлекать внимание теней.

Всё то время, пока мы отступали, я не сводил взгляда с чёрных сгустков. И ведь они действительно отличаются от тех теней, что мы видели в Сатомори этим летом. Тела их куда меньше и более вытянуты, отростки длиннее и двигаются намного интенсивней.

Мы прошли почти полквартала и остановились лишь тогда, когда тени полностью скрылись из виду. Рико наконец выдохнула и огляделась, пытаясь сориентироваться, куда идти дальше. Недалеко от нас расположился небольшой супермаркет.

— Может, зайдём? — вполголоса спросила девочка. — После Нисиоки еды почти не осталось.

— Думаешь, это нормально? — я засомневался. — Я имею в виду, это не будет считаться воровством?

Рико ничего не ответила, а просто схватила меня за руку и потащила к раскрытым стеклянным дверям магазина. По всей видимости, никого не волновала сохранность продуктов или прибыли, когда начался всеобщий хаос.

Судя по всему, магазин уже не раз подвергался набегам. Пустые полки и разбросанные по полу товары. На наше счастье всё вынести не успели и найти пару пачек чипсов или дешёвые консервы представлялось возможным.

Рико принялась внимательно осматривать полки на предмет провианта. Я же решил пройтись по супермаркету и оценить безопасность. Конечно, всё выглядит в соответствии с общей атмосферой запустения, однако у касс я обнаружил окуроч. Судя по всему, выброшенный совсем недавно.

Люди? Неужели кто-то всё же остался в городе? Или кто-то точно так же, как и мы проходил мимо?

Я последний раз бросил взгляд на окурок и вернулся к Рико, которая уже успела набить свой рюкзак до отвала всем, что до нашего прихода оставалось на полках.

— Ва! Тяжело, — она подпрыгнула, взвешивая рюкзак.

— Сама виновата, чересчур жадная.

— Понесёшь? — она указала на свой рюкзак.

— И не думай.

— Ну пожалуйста, Ивару? — она состроила как можно более жалостную мордашку. — Он очень тяжёлый.

— Доставай оттуда всё, — я тяжело вздохнул, снимая свою рюкзак. — Делить будем.

Рико стянула свою поклажу с плеч и расстегнула молнию. Мне представилась возможность взглянуть на её находки. Сказать, что меня они ничуть не удивили — ничего не сказать.

— Это что? — я вытащил игрушечный пистолет, лежавший на поверхности.

— Оружие, — с серьёзным видом заявила она.

— Выбрасывай.

— Ва-а-а! — девочка прижала игрушку к груди. — Нечестно! У тебя-то есть пистолет!

— А это тебе зачем? — из рюкзака показался дешёвый китайский фен.

— Я же девочка, Ивару, — она провела ладонью по волосам. — Мне нужно ухаживать за причёской.

— Выбрасывай, — я укоризненно покачал головой. — Нам нужны только практичные вещи, Рико.

Я хотел было продолжить копаться в её вещах, как вдруг со стороны входа послышались чьи-то шаги. Я рефлекторно схватил Рико и спрятался с ней за одним из стеллажей. Судя по количеству ударов подошвы, в магазин зашли двое.

— Говорю же тебе, не было там никого, — послышался слегка грубоватый женский голос.

— А я говорю, — отвечал ей мужской бас. — Двое их было. На дороге стояли.

— Значит, оборотни были, — голоса стремительно приближались. — Хотя я их давненько не встречала.

Возможно, не было причины прятаться. Однако, опыт Сатомори научил, что люди порой бывают намного опаснее теней.

— Эй, — незнакомцы замерли на месте. — Гляди-ка.

— Их не было, когда мы уходили?

Рюкзаки мы схватить не успели, потому они остались стоять на полочке, демаскируя нас. Задержав дыхание, я нащупал пистолет в кармане, схватился за холодную металлическую рукоятку и выскочил из укрытия, направив оружие в сторону голосов.

— Вот это номер! — мужчина в камуфлированной куртке сделал шаг назад, поднимая руки. — Спокойнее, парень.

— Вы... кто вы?! — голос предательски дрожал.

— Сперва ствол прибери, — женщина также подняла руки, медленно отступая.

— Я не шучу! Кто вы?!

— Мы из гостиницы, — продолжил мужчина. — Я Кинадзуки, она — Миято.

— Что вы здесь делаете?

— Ты глаза разуй, — Миято развела руками. — Еду ищем, чтобы с голоду не сдохнуть.

Я опустил пистолет. Стоило мне это сделать, как что-то тяжёлое ударило меня по затылку. В глазах потемнело, окружение потеряло чёткость. Тело потяжелело, и я почувствовал, как оно тянет меня вниз. Раздался глухой удар.

Я с трудом размыкаю веки. В глаза тут же ударяет яркий дневной свет, наперебой щебечут летние птицы и вовсю стрекочут цикады. Я сижу на мягком пуфике, передо мной на невысоком столе чашка с зелёным чаем.

Неожиданно что-то болью отозвалось в сердце, словно зияющую там дыру резко чем-то закрыли. Я почувствовал прикосновение рук. Тех самых рук, которые были созданы для икебаны, тех самых рук, что заставляли меня каменеть.

Я обернулся. Харука смотрела на меня и улыбалась, как всегда призрачно, но по-детски искренне. Да, это была та самая Харука, никаких сомнений. Фарфоровое лицо, юката, подпоясанная оби, и глаза. Это были те самые глаза, сочетавшие в себе непереносимую усталость от всего вокруг и вселенскую тоску, которую она так стремилась побороть.

Девочка убрала руку с моей головы и, пройдясь по комнате, села рядом, отхлебнув уже остывшего чая. Мы ничего не говорили. Как и в прошлый раз просто смотрели друг на друга. Точно пытались передать мысли одним лишь взглядом.

— Ты ведь умерла? — мой голос отразился от стен и надолго повис в комнате.

Харука лишь пожала плечами.

— А я? Я тоже?

Она повторила жест.

— И что мы тут делаем?

Харука указала на кружки с чаем.

— Другие тоже тут? — я отхлебнул из своей кружки. Вкуса не почувствовал.

Девочка вопросительно на меня посмотрела.

— Юри, Аи, Уми, Ханакири-сенсей?

Харука загадочно улыбнулась и продолжила пить чай, как ни в чём не бывало. Задавая ей вопросы, где-то в глубине души я понимал, что мне это совершенно неинтересно. Рядом с Харукой я чувствовал себя по-настоящему счастливым. А большего мне и не нужно было.

Умер ли я? А какая разница? Если и так, то теперь я буду с Харукой вечно. Мы сможем болтать сколько угодно. И пускай говорить буду только я! Ей не нужны слова, чтобы отвечать мне, достаточно одного взгляда.

— И долго ты здесь?

Она в очередной раз пожала плечами.

— Наверное, одиноко было?

Харука кивнула.

— Хочешь, я останусь с тобой?

Неожиданно для меня она задумалась, глядя куда-то в потолок. Девочка погрузилась в глубокие размышления, взвешивала все «за» и «против». Время от времени она переводила взгляд на меня, а затем вновь устремляла его в потолок.

— Харука?

Она снова взглянула на меня и широко заулыбалась. Своим тонким, изящным пальцем, она указала себе в грудь, затем на меня, и в конце на подаренный мне кулон.

— Я тоже, — я чувствовал, как пустота внутри снова расплывается.

Она отрицательно замотала головой.

— Не веришь?!

И снова эта улыбка.

— Думаешь, я тебя обманываю?

Я заметил, как Харука напряглась, собирала все свои невеликие силы.

— В... — неуклюжий звук отразился от стен.

— «В»?

— В... — она напряглась ещё сильнее. — В...а.

— «В», «а»? — я совершенно ничего не понимал.

Харука закрыла глаза, вздохнула полной грудью и, наконец, чётко, хотя и тихо, произнесла:

— Ва.

— Ва? — я задумался.

Девочка обвила меня руками и положила голову на грудь.

— Ва, — ещё тише повторила она.

— Не понимаю, — в горле стоял тяжёлый ком. — Я совсем ничего не понимаю.

Потолок. Обыкновенный белёный потолок, посередине которого вкручена такая же обыкновенная лампочка. Где это я? С трудом повернул голову, движение отозвалось тупой болью в затылке. Лежу на кровати. Обычный гостиничный номер, стены обклеены дешёвыми обоями, тёмные шторы закрывают окно, безвкусный коврик, шкаф и пара тумбочек. Пахло дымом. Нет, не гарью. Обычным сигаретным дымом.

Что случилось? Там, в магазине, я наставил на них пистолет, а потом отключился. Рико?! Где она?! Нужно найти!

Я резко вскочил, но тут же повалился назад на мягкую подушку. Перед глазами поплыли тёмные круги. Нет, так резко нельзя. Но не могу же я лежать тут, если Рико может быть в опасности! Хинай же ещё не кончился?

Неожиданно дверь в комнату отворилась. На пороге я увидел ту, которую так торопился спасти. Переодетую в лёгкий спортивный костюмчик. Волосы её были мокрыми и спадали на лицо, на шее висело белое маленькое полотенце.

— Очнулся! — она радостно подбежала ко мне.

— Рико, — проговорил я с трудом. — Что случилось?

— Ну, ты разнервничался, там, в магазине, — она почесала затылок. — Достал пистолет, хотя даже не снял его с предохранителя. А потом, когда успокоился, Таёру-сан тебя немного того...

— Ясно, — я болезненно поморщился, ощупывая шишку на затылке, — А где мы?

— Ва! — радостно воскликнула Рико. — Это городская гостиница. Здесь живут те, кто не захотел из города уезжать.

— И много таких?

— Нет, — отмахнулась она. — С нами шесть человек.

— Всего лишь... — я горестно вздохнул.

— Зато есть вода, электричество, даже телевизор! — она бодро скакала по комнате. — Еды, правда, немного, но это нестрашно, город-то большой, магазинов много.

— Большой? — я слабо улыбнулся.

По моим меркам этот город едва-едва тянул на свой титул. Так, городишко, в отличии

от Токио. Но Рико, похоже, всё казалось большим по сравнению с Сатомори.

— Ага! — она закивала. — Почти такой же большой, как тот, в котором мы с папой были.

— Ладно, — на этот раз я поднялся с кровати аккуратно. — Пойдём, пройдемся. Мне извиниться нужно... за магазин.

— Не переживай, — девочка помогла мне встать. — Кинадзуки-сан и Миято-сан не злятся, я им всё рассказала по пути сюда.

— А Хинай?

— Затишьё, — кивнула Рико. — Правда, в городе много морока, да и фантомы частенько встречаются. Потому лучше не выходить из гостиницы.

Я промолчал.

Мы вышли в длинный коридор с одинаковыми дверями, которые отличались лишь номерами. Мне почему-то вспомнилась школа Сатомори. Вспомнилась Ханакири-сенсей и её последние секунды жизни.

Интересно, могла ли она выжить? Если бы только был какой-нибудь способ бороться с тенями! Если бы узнать их слабое место! Ведь та женщина из моего сна, Кири-сан, она ведь что-то знает про это.

Мы медленно спустились по лестнице и выбрались в общий зал. Там действительно расположился телевизор и старенький DVD-проигрыватель. Электричество работало везде, хотя свет от ламп и казался мне слегка тускловатым.

Дальше за гостиной шла столовая. Без особых изысков, никаких люстр, мягких диванчиков или чего-то похожего. В середине просторной комнаты стояло несколько столиков с приваренными к ним стульями, большой холодильник и пара морозильных камер, плита да микроволновая печь, на этом богатство столовой заканчивалось.

— Садись, Ивару, — Рико указала на один из столиков. — Сейчас я принесу тебе что-нибудь.

— Да, спасибо, — я сел за стол и сложил на него руки, подперев ими голову. — А где все?

— Ночь уже, — отозвалась Рико, роясь в холодильнике. — Все спят.

— А ты?

— Ва! Ну ты и глупый, конечно, — она засмеялась. — Кто-то же должен за тобой следить.

— И ты, всё это время?..

— Есть лапша с курицей и с креветками, — Рико не дослушала. — Чего будешь?

— С курицей, — я устало улыбнулся, глядя как девочка возится с продуктами.

Со стороны гостиной послышались чьи-то неровные шаги. Кто-то подволакивал за собой ногу. Этот кто-то стремительно приближался к столовой. Ночного гостя долго ждать не пришлось, из-за угла показался мужчина.

Уставшее бледное лицо, взъерошенные волосы, слегка потерянный взгляд, обыкновенный домашний халат. Да, он сильно изменился, подрастерял былую прыть, но не узнать его я не мог. Это без сомнений был он.

— Дядя... Ёичи, — я поднялся со стула.

Он молчал, глядя на меня в упор.

— Дядя Ёичи, — повторил я.

— Тору-кун, — он натянул на лицо улыбку. — Это... всё в порядке, Тору-кун?

Рико застыла у холодильника и ничего не говорила.

Я подошёл к нему ближе. Сперва я не почувствовал ничего, кроме удивления. Однако потом в памяти всплыли лица всех тех, кто погиб, всех, кто стал мне так дорог. Если бы не он, я бы не видел этих смертей. Если бы не он, всё было бы абсолютно нормально.

Я собрал всю ненависть в кулак и со всего размаху отправил его в полёт до лица дяди. Секунда, и я чувствую, как костяшки врезаются в челюсть мужчины. Ещё секунда, и он теряет равновесие, заваливаясь на пол.

— Ивару! — вскрикнула Рико.

Я ничего не ответил. Просто стоял над усевшимся на пол дядей. В его глазах не было испуга, обиды или злости. Я видел лишь вину. Нанаки-сан сказал мне, что мой дядя неплохой человек, что это с ним случилось много плохого. Я верил в это.

— Тору-кун, — мужчина поднялся с пола. — Рад, что ты здоров.

— Дядя Ёичи, — я не знал, что ему говорить.

— Знаю, виноват, — он низко поклонился мне. — Прости. Если тут уместно это слово. Я поступил эгоистично, подло и грязно. Так что, если хочешь, можешь ударить ещё, Тору-кун.

— Значит, ты смог выбраться, — я начал остывать. — Значит правило «родового гнезда» можно было обойти.

— Всё немного труднее, — он тяжело вздохнул и опустил на стул. — Но сейчас не об этом. Как я понимаю, храм разрушен?

Я кивнул.

— Чёртова ирония, — усмехнулся мужчина. — Только вырвался из этого места, а тут на тебе... мда.

— Дядя Ёичи, — я сел напротив. — Что ты здесь делаешь?

— Я? Живу.

— Я думал, ты отправишься в Нагою.

— А что мне там делать, — он развёл руками. — Бизнес мой давно прогорел, квартиру забрали за долги. Нет, Тору-кун, мне нужно было начинать жизнь сначала.

Я хотел было продолжить расспрос, но дядя меня опередил.

— Каватсуки-чан, — он обратился к Рико. — А где остальные девочки?

Она лишь потупила взгляд.

— Юри, Аи, Уми, — прозвучали их имена. — Ханакири-сан?

— Они... — начал я. — Все...

— Неужели, — дальше договаривать не пришлось. — Даже малышка Аи?

— Она. Недавно, — я пересилил себя. — Морок... видимо, она его не заметила.

— Ладно, — он поправил ладонью челюсть. — Чего это мы раскисли. Ты есть собирався, Тору-кун?

— Вроде того.

— Тогда не буду мешать, — он устало потянулся. — Утром поговорим.

Он был уже на пол пути к выходу из столовой, как Рико его окликнула.

— Исияма-сан, а что вы хотели здесь?

— А? — голос его дрогнул. — Да так, уже ничего.

Когда шаги дяди растворились где-то на верхних этажах, Рико поставила передо мной тарелку с дымящейся лапшой быстрого приготовления. Не деликатес, конечно, но чем богаты, тем и рады. Я хотел было начать трапезу, однако Рико меня остановила.

— Погоди, — она вернулась к холодильнику и достала оттуда банку майонеза, поставив его передо мной. — С ним вкуснее будет.

— Ты уверена? — я неодобрительно глянул на банку.

— Ва! Не веришь мне, что ли?

— Верю-верю, — я открутил крышку.

Оказалось и вправду вкуснее...

Душ. Впервые за несколько месяцев у меня вышло нормально помыться, смыть с себя въевшуюся грязь, отмыть побелевшие от пыли волосы, вычистить из-под ногтей землю. Тёплая вода успокаивала и расслабляла. Не думал, что когда-нибудь банальный душ сможет меня так восхитить.

Закончив с водными процедурами я подошёл к запотевшему зеркалу, протерев его рукой. Оттуда на меня смотрело уставшее, небритое лицо. Под глазами синяки, губы потрескались, кожа стала серой и грубой. Неужели это действительно я?

Я продолжил осмотр своего тела. Никогда я не был особо худым, и уж тем более, спортивным. Но прослонявшись столько времени с минимумом еды, моя фигура даже не приблизилась к атлетическому идеалу.

Рядом лежала чистая одежда: клетчатая рубашка да старомодные брюки. Несмотря на нелепый внешний вид, я был рад переодеться. Моя старая одежда, казалось, уже стала мне второй кожей и насквозь пропахла потом.

Наконец, я вышел из ванны. Рюкзак с моими пожитками стоял у изголовья кровати. Хорошо было бы проверить содержимое, но сейчас этим заниматься желания не возникало. Я на ватных ногах добрался до кровати, укутался в тёплое пуховое одеяло и попытался заснуть.

Однако сон не шёл. Я ворочался с бока на бок, укутывался сильнее и, наоборот, раскрывался, пытался считать овец, молился, мычал мантры. Заснуть не выходило совершенно. Я чётко ощущал, что мне чего-то не хватает. Нет какой-то маленькой детали, которая даровала бы мне ночной покой.

В конечном счёте я окончательно сбросил с себя одеяло, поднялся с кровати и вышел из номера. Свет явно сэкономили. Сейчас в коридоре стояла кромешная тьма, я, с трудом ощущая стены, добрался до лестницы и принялся спускаться вниз.

Свет. По всей видимости, кто-то до сих пор не спит. Я спустился в гостиную. На одном из диванчиков сидела Рико, уставившись в экран телевизора. Звука не было, на экране мелькал какой-то старый французский фильм.

— Ивару, — она удивлённо на меня взглянула. — Ты чего не спишь?

— Не получается, — я сел рядом. — А ты?

— Не знаю, — Рико пожала плечами.

— Звука нет, — констатировал я.

— Нет.

Я окинул девочку взглядом. Спортивный костюмчик был ей явно мал, чётко выделяя далеко не детскую фигуру. Я невольно протянул руку и дотронулся до вздымающейся вверх-вниз груди. Мягко.

— Ва! — лицо Рико залилось румянцем. — Ты что творишь?!

— Прости! — я резко отдернул руку. — Не знаю... как так вышло.

— Я же... — она прятала взгляд в пол. — Я же не говорила, что нельзя...

— Это... — я чувствовал, как сам начинаю краснеть. — Ты же...

— Пойдём к тебе?

— А? Да, — я неуверенно кивнул. — Пойдём.

Всё выглядело так, словно мы впервые делали что-то подобное. Ощущение было незнакомое и крайне необычное. Ощущать тёплое, мягкое и чистое тело Рико, вдыхать приятный запах её кожи, слышать её голос.

Интересно, она чувствует то же самое? Для неё это также необычно и волнительно, как и для меня? Да и что вообще происходит?

Тёплая постель, задёрнутые шторы, приглушённый электрический свет, запертая на защёлку дверь и абсолютная безопасность. В этот раз обстоятельства были абсолютно иными. Мы делали это не потому, что нужно было отвлечься от плохих мыслей, а потому что очень этого хотели. Просто так, безо всякой на то причины.

Лицо Рико оказалось совсем близко к моему, а затем становилось всё ближе и ближе. Влажные, тёплые и слегка дрожащие губы. Впервые за всё время, проведённое с ней, я почувствовал их по-настоящему.

Сейчас я был уверен, что передо мной настоящая Рико, не скрывающаяся ни за какими масками. Наверное, я должен быть рад всему происходящему, должен прибывать в эйфории. Однако внутри поселилась странная тоска.

Этой ночью, в попытке разобраться в себе, я лишь в очередной раз запутал клубок собственных чувств. Пытаясь выбраться из трясины сомнений, провалился в них ещё глубже. Этой ночью я так ничего и не понял.

Удар, за ним следующий. Лезвие *яри маячило перед лицом, не давая приблизиться к *асигару ни на шаг. Невысокий, молодой, крепко-сложенный паренёк ловко перебирал ногами, словно вальсируя вокруг своего соперника.

На площади собралась толпа. Однако разнимать драку никто не торопился. Среди пришедших посмотреть на внеплановое представление, стояли как люди Маэда, так и обычные крестьяне. Сатомори залилась громкими криками толпы.

Асигару сделал очередной выпад, едва не насадив паренька на лезвие. Люди волнительно загудели. Парень же, в свою очередь, продолжал ходить кругами. Всё его тело было максимально напряжено, а разум сосредоточен.

Яри снова рассекло воздух и оказалось в паре сантиметров от его левой руки. Всего лишь мгновение и древко копья оказалось зажато крепкой хваткой. Время словно замедлилось, он мог просчитать любое движение противника, читал его мысли.

Правая рука потянулась к поясу и ухватила за рукоять *танто. Асигару замешкался всего на секунду. Этого времени хватило, чтобы парень в один скачок добрался до противника и молниеносным движением рассёк ему горло.

Горячая и вязкая кровь фонтаном хлынула наружу. Тело асигару обмякло, яри с глухим звуком ударилось о землю, ноги подкосились и вслед за оружием на пыльную площадь упал и сам противник. Ещё некоторое время раздавался тяжёлый хрип, но вскоре и он затих.

Толпа смолкла, поползли тихие перешёптывания. Люди Маэда и жители Сатомори косо смотрели друг на друга. Атмосфера накалилась настолько, что, казалось, продолжения кровопролития не избежать. Тем не менее, гробовая тишина продолжала сохраняться.

— Какого чёрта?! — крикнул некто из толпы. — Этот оборванец убил человека господина Маэда!

— Прямой выпад против дома! Эта чернь окончательно страх растеряла!

Назревающую бойню остановил Хироки. Собравшийся на площади народ расступился и пропустил главу деревни в центр. Паренёк до сих пор стоял над трупом асигару, крепко сжимая в руке окровавленный танто.

Хироки внимательно осмотрел труп, затем его взгляд пробежался по толпе и наконец-таки остановился на парне, лицо которого не выражало никаких эмоций, кроме лёгкой надменной улыбочки и хитрого прищура.

— Что здесь случилось? — спокойным и уверенным тоном поинтересовался Хироки.

— Этот асигару пытался меня обокрасть, — парень заткнул кинжал обратно за пояс. — Я вовремя заметил.

— Имя, — сухо потребовал глава деревни.

— Сугимото Кацуро, — судя по виду, он совсем не переживал о случившемся.

— Ты не из местных.

— Вы знаете всех жителей деревни в лицо? Похвальная осведомлённость.

— Среди жителей Сатомори нет ни одного столь искусного воина, — Хироки осмотрел незнакомца с ног до головы.

— Сочту за комплимент, — Сугимото поклонился.

— Откуда ты?

Парень лишь многозначительно промолчал, продолжая надменно улыбаться. Тем

временем на площади появился Маэда. Взгляд его метался между Хироки, трупом и Сугимото. На лице его не проскользнуло ни одной эмоции, потому всякий раз, когда глаза Сугимото и Маэда пересекались, они словно испытывали друг друга на прочность.

— Вы посмели убить моего человека, — самурай обращался ко всем стоящим на площади. — Я этого так не оставлю.

— Спокойнее, Маэда-сан, — Хироки продолжал коситься на Сугимото. — Это была самооборона.

— Враги со всех сторон, нашему клану важен каждый мужчина, готовый держать меч, — Маэда сделал уверенный шаг вперёд. — То, что вы совершили — измена.

— Я обещаю, виновники будут наказаны, — глава поклонился.

Посреди разговора из толпы вышел мужчина. Судя по форме, один из людей Маэда. На дрожащих ногах он подошёл напрямик к трупу, не обращая внимания ни на кого из собравшейся в центре тройки.

Добравшись до тела, мужчина присел рядом и заглянул в лицо убитого. Долгое время он молчал, а вместе с ним прекратился и спор Хироки с Маэдой.

— Кеичи никогда бы не взял чужого, — послышался хриплый голос. — Он бы скорее умер от голода, чем пошёл на подобное.

— Я думаю... — Хироки не успел договорить.

— Это было подлое и бесчестное убийство! — во весь голос крикнул мужчина.

— Ложь! — раздалось из толпы. — Я всё видела! Видела, как он достаёт кошелек у этого человека!

— Господин Маэда, — мужчина встал перед самураем на колени. — Неужели мы спустим им с рук подобные выходки! Кеичи верой и правдой служил дому Хосокава, он бы никогда не совершил столь отвратительный поступок! Господин Маэда, мы должны добиться справедливости.

— Ты слышал, Хироки, — голос Маэды звучал ровно. — Справедливость должна восторжествовать.

— Мы разберёмся в этой ситуации.

— Я требую, чтобы виновник был наказан по всей строгости, — самурай бросил взгляд на Сугимото.

— Мы разберёмся, — настаивал на своём глава деревни.

Ничего более не сказав, Маэда развернулся и вновь направился в сторону рёкана. Собравшаяся толпа расходилась медленно, стараясь даже не пересекаться взглядом с оппонентами из противоположного лагеря.

— Суги... — Хироки хотел было обратиться к парню, но того уже и след простыл.

Мужчина обречённо вздохнул. Фитиль на бочке с порохом уже догорал, и ожидаемый взрыв был лишь делом времени. Сатомори истощилась, еды стало не хватать и крестьянам, и людям Маэды. Вечно рыскающие по деревне солдаты мешали людям работать и держали их в страхе.

Прятать же беглецов становилось всё труднее. Люди Маэды уже несколько раз наведывались в рыбацкую хижину, и Вакада были на грани раскрытия. Новых вестей из Киото так и не пришло. А сегодняшнее убийство окончательно закалило противоречия.

— Сугимото Кацуру, да? — задумчиво произнёс Хироки.

— Куроко! — однако мальчик не отзывался. — Куроко!

Одзиро устало присел на ступеньки храма и тяжело вздохнул. После рассказов Чиё местные стали посещать храм намного чаще, в попытках найти спасения у ками. Служба становилась всё более однообразной, а в перерывах жрец внимательно изучал свои записи о надвигающемся Хинае.

Иногда в его голове возникала мысль, что Чиё могла просто водить всех за нос, дабы её не выдали. Но то ли разум Одзиро к старости стал слишком восприимчив, то ли он и вправду чувствовал, что над деревней уже давно висит что-то нехорошее.

Наконец, после длительного ожидания на площадь вбежал Куроко. В последнее время он стал отлучаться из храма всё чаще. Одзиро не донимал его вопросами о том, куда мальчик пропадает, однако это его настораживало.

— Где тебя всё носит?! — проворчал священник.

— Да... я... — Куроко замялся.

— Ладно, неважно. Мне нужно в деревню, — Одзиро поднялся со ступенек. — Последни за храмом в моё отсутствие. И чтобы никуда не уходил. Понял?

— Ага, — паренёк кивнул.

— И когда же ты остепенишься, — покачал головой старик. — Ты же будущий жрец.

Не дождавшись ответа, священник махнул рукой и медленно зашагал в сторону деревни, задумчивым взглядом осматривая окружение. Его заботила судьба Комаэды Куроко, ведь если верить Чиё, храм всегда должен иметь жреца. Но мальчик до сих пор не готов принять на себя эту роль.

Ветренный, непостоянный и совершенно не интересующийся жречеством. Его больше интересовали дела мирские. Храм Сатомори издревле брал в жрецы лишь сирот, дабы ничего не отвлекало их от служения. В этот раз традиция дала осечку.

На пути к деревне Одзиро встретил молодого мужчину. Он медленно шёл на встречу жрецу. Походка его была лёгкой, едва ли не порхающей, складывалось ощущение, что он вот-вот перейдёт на бег.

— Добрый день, — Одзиро остановился перед незнакомцем и приподнял **касу*. — Вы в храм направляетесь?

— Любуюсь местными красотами, — юноша поклонился.

— Боюсь, храм некоторое время не сможет принять страждущих, — Одзиро подметил что-то особенное в этом человеке. — А дальше по этой дороге только он.

— Жалость, однако, — на лице незнакомца блеснула надменная улыбка. — Но я, всё же, пройдусь.

Он ещё раз поклонился Одзиро и продолжил свой путь. Но на середине дороги священник остановил его:

— Ваше имя?

— Мацусита Шиори, — послышалось издалека.

Стоило Одзиро на мгновение растеряться, как странноватый незнакомец словно испарился в воздухе. Ещё недолго простояв на месте, жрец снова натянул шляпу и продолжил свой путь в деревню.

В Сатомори тем временем ситуация всё ухудшалась. Теперь деревня окончательно поделилась на два лагеря. При виде людей Маэда лавочники закрывали свои лавки и наотрез отказывались продавать им что-либо. В это же время, пришедших из других деревень, торговцев просто не пускали на заселение в рёкан, отчего местные не могли вести нормальную торговлю.

Одзиро шёл по заполненным ненавистью и злобой улицам, чувствуя, как нечто жуткое собирается в этом месте и вот-вот вырвется на свободу.

Священник вновь стоял на пороге у поместья Хироки. Внутри, тем временем, разгорался скандал. Грубый и громкий голос Хироки Суэно сотрясал тонкие стены строения, ему наперекор звучал твёрдый и звонкий голосок Хироки Хотару.

— Ты не запрёшь меня здесь!

— На улицах беспокойно, Хотару! — продолжал Суэно. — Ты слишком заметная мишень для тех, кто раскачивает обстановку.

— Я прекрасно могу о себе позаботиться, — послышался нервный смешок.

— Ты меня слышала, — мужчина поставил точку в споре. — Сегодня ты остаёшься дома.

Когда крики стихли, Одзиро наконец-таки открыл дверь и вошёл в прихожую, тут же встретившись глазами с Хотару. Она хмуро взглянула на жреца, быстро поклонилась и скрылась в соседней комнате.

Хироки, как обычно, сидел в главной комнате, созерцая небольшой сад на заднем дворике своего поместья. Подошедшего жреца он увидел не сразу, а лишь после того, как он сел напротив.

— Юта, — тяжело произнёс мужчина. — Снова вести от Чиё?

— Нет, во всяком случае сегодня я не за этим, — Одзиро также перевёл взгляд на сад.

—

Хотел узнать, что произошло в деревне за время моего отсутствия. Прихожане немногословны, знаешь ли.

— Сегодня на площади убили одного из асигару Маэда, — вздохнул Суэно. — Убил какой-то пришелец. Я бы не решился делать поспешных выводов, но судя по всему, по Сатомори разгуливает *шиноби.

— Ты уверен в этом? — Одзиро напрягся.

— Не могу сказать наверняка, — мужчина перевёл взгляд на жреца. — Но мне кажется, что Оути прощупывают почву. Высматривают и пересчитывают.

— По дороге сюда я встретил незнакомого мне юношу, он назвался Мацуситой.

— Я имел честь встречаться с мастерами *ниндзюцу, — в моменты, когда Хироки вспоминал прошлое, его взгляд вспыхивал странным, не свойственным обычным людям огнём. — Они словно насекомые, которых ты безуспешно пытаешься выправить из дома. Их невозможно отследить, невозможно схватить или банально убить. Если один из них появился у тебя на пороге, он добьётся того, зачем пришёл.

— И какая же у него цель, Суэно?

— Не знаю, — было заметно, что Хироки теряет самообладание. — Предполагаю, это напрямую связано с Маэдой.

На Сатомори опустилась ночь. Дневная суета сменилась умиротворением и таинственностью теней, скользящих по небольшим островкам света. Хотару едва ли не на цыпочках вышла в коридор и направилась к выходу.

Она ожидала, что встретит запертую дверь и не найдёт ключа. Возможно, у неё и были конфликты с отцом, однако она не могла не уважать этого человека и, ни в коем случае, не считала его глупым. Однако, найти способ выбраться из заточения она сможет.

Хотя высокий забор, отгораживающий сад от центральной улицы, казался

неприступным, Хотару с ранних лет знала, как преодолеть эту преграду. И пускай, с возрастом лазать по деревьям и подтягиваться на ветках стало гораздо труднее, девушка не сомневалась ни секунды.

С трудом взобравшись на толстую ветку сакуры, она, затаив дыхание, приготовилась к прыжку на соседнее дерево, что возвышалось над забором. Многолетняя сосна, с верхушки которой можно было увидеть, насколько далеко разрослась Сатомори за последние несколько лет.

Когда-то вместо деревни здесь жили две семьи крестьян-отшельников, пытающихся скрыться от вечных воин и междоусобиц. Со временем они освоили богатую землю, приноровились охотиться и рыбачить.

Позднее это место стало привлекать блуждающих в поисках ночлега ронинов и торговцев, желающих вести более оседлый образ жизни. К двум семьям прибавились ещё несколько, затем странствующие монахи возвели недалеко от деревни храм, который стал неким объединяющим центром деревни.

**Примерно в то же время, из-за обширных лесов, окружавших поселение, оно получило название Сатомори.* После того, как деревню впервые начали отмечать на картах, она переходила от одного клана к другому. Однако, кроме налогов, ничего не нарушало мирный уклад жизни. До недавнего времени...

Хотару с опаской свесилась с ветки сосны и, нащупав точку опоры, медленно принялась спускаться. Когда её ноги почувствовали твёрдую землю, девушка расправила смятое кимоно, отряхнула его и направилась в сторону рёкана.

Ночная Сатомори, отличалась от дневной. Из непроглядной темноты густого леса на тебя смотрели тысячи глаз: некоторые осуждающе, некоторые скорбно, а некоторые и вовсе с нескрываемой злобой.

Конечно, всё это было не более, чем наваждение, животный страх перед неизвестностью, перед чем-то, что сильнее человека. Хотару не боялась. Уверяла себя, что не боялась, сжимала кулаки и продолжала идти по главной улице Сатомори, время от времени оглядываясь по сторонам.

Совсем скоро показались заветные огоньки рёкана и длинные яри постовых. Люди Такеши знали девушку в лицо, однако никогда не пускали её сразу. Один из асигару зашёл в рёкан, второй же молчаливо стоял на месте.

— Вы давно служите Маэде-сану? — как бы невзначай начала девушка.

— Давно, — металлическим голосом ответил мужчина.

— Он хороший человек, не так ли?

— Хороший.

— А вы немногословны, — слабо улыбнулась Хотару. — Как вас зовут?

— Кашива Субару.

— Что вы думаете обо всей этой ситуации, Кашива-сан?

— Я думаю, что Маэда-доно поступает мудро, — мужчина отвечал так, словно читал текст с бумажки. — Нет причин сомневаться в его решениях.

Дверь вновь открылась, и Хотару наконец-таки запустили внутрь. Уже долгое время всё здесь оставалось без изменений. Девушка устало вздохнула и привычно ступила на лестницу, ведущую на второй этаж.

Такеши, как и следовало ожидать, стоял на балконе, устремив взгляд в ночное небо. Вошедшую девушку он заметил уже давно, однако делал вид, словно не обращал внимание на

её появление. Так он поступал всегда, вынуждая Хотару начинать разговор первой.

— Я пришла, Такеши, — она остановилась в дверном проёме, между комнатой и балконом.

— Зачем?

— Чтобы увидеть тебя.

— Опасно, — он развернулся, смерив Хотару холодным взглядом. — Опасно и безрассудно.

— Любовь сама по себе безрассудна, — девушка игриво улыбнулась.

— Что-то хочешь мне сказать? — самурай вернулся в комнату.

— Да, — она кивнула. — Я люблю тебя, Такеши.

— Я это уже слышал много раз, — он тяжело вздохнул. — Что-то ещё?

— Помнишь, как мы впервые встретились?

— Помню.

Такеши прошёлся по комнате и устало сел на футон, проведя руками по лицу. Он окончательно запутался в происходящем. Жители Сатомори оказались намного более крепкими, чем он рассчитывал, когда впервые сюда ступил.

С Хотару он встретился около года назад, на торговой площади в Киото. Он часто прогуливался среди толпы горожан, дабы самолично убедиться в том, что не назревает никаких бунтов и смуты. Он заметил девушку, что рьяно спорила с одним из торговцев.

Горячий нрав, хитрый прищур глаз и совершенно непредсказуемый характер тут же завладели сердцем Маэда Такеши. Хотя у него и были женщины до Хироки Хотару, такое с самураем случилось впервые.

Их отношения начали стремительно развиваться. Почти всё то время, что Хотару пробыла в Киото, они жили вместе. Среди знати даже начали ходить неприятные сплетни, которые, однако, развеивал суровый взгляд Такеши.

— Нам ведь было так хорошо в Киото, — девушка села рядом. — Неужели ты не хочешь, чтобы так было всегда?

Маэда промолчал.

— Мне всё равно, что ты будешь думать обо мне, — она обхватила его за плечи. — Я никогда не перестану тебя любить, Такеши.

— Крыша, — неожиданно напрягся самурай.

— Что?

— Мы не одни.

— Здесь никого нет, Такеши.

Дальнейшие события развивались с невероятной скоростью. Маэда резко расчехлил тати и встал в боевую стойку. Не прошло и пары секунд, как комнату рёкана затянуло тёмным непроглядным дымом. Раздался оглушающий выстрел, однако снаряд из **тэнно* ушёл мимо цели и с дребезгом разбил вазу, стоявшую неподалёку от Такеши.

Хотару растерялась и металась из одного угла в другой в поисках укрытия. Теперь ей было по-настоящему страшно. Не найдя укрытия лучше, она укрылась за небольшой ширмой, зажав уши руками.

Наконец, в комнате появилась третья фигура. Невысокий, хорошо сложенный мужчина в тёмной маске, закрывающей лицо. Правая его рука лежала на поясе, крепко держась за рукоять танто, левая выставлена вперёд, словно он пытался схватить Такеши.

Движения нападающего были плавными и чёткими, он медленно ходил по периметру

комнаты, заставляя Такеши крутиться вокруг своей оси. Стоило самураю дёрнуться, как раздался очередной хлопок. В этот раз снаряд ушёл точнее, оставив очередной шрам на щеке.

Нападавший опустил руку и выхватил из-за пояса кинжал, готовясь к броску. Однако Такеши, хотя и был ошеломлён прогрохотавшим прямо под ухом выстрелом, собрал волю в кулак. В один прыжок он настигнул противника и мощным взмахом тати вывел его из равновесия. Парень потерял такт и отступил.

Маэда слишком хорошо владел своим тати, с которым никогда не расставался. Он чувствовал это оружие, словно оно было продолжением его руки. Бороться с ним в закрытом помещении один на один — самоубийство. Нападающий это прекрасно осознавал. Между пальцами противника что-то блеснуло. Мгновение, и сюрикэн устремился к самураю. Лязг металла, и блестящая звёздочка отлетела от тати в другой конец комнаты. Ниндзюцу отступал дальше.

Бросив надменный взгляд на Такеши, нападающий скрылся также резко, как и появился. В это же мгновение в комнату ворвались асигару в безуспешных попытках поймать посягнувшего на жизнь их господина.

— Довольно! — рявкнул Маэда, утирая кровь с лица. — Я больше этого терпеть не намерен!

— Приказ, Маэда-доно? — поклонился один из асигару.

— Если я задержусь здесь ещё на день, следующее покушение будет удачным, — прорычал самурай. — Выводи всех на главную площадь!

— Такеши... — из-за ширмы вышла Хотару. — Что ты хочешь делать?

Однако мужчина в очередной раз промолчал.

Кровь лилась по Сатомори рекой. Кровь невиновных и виноватых, кровь женщин и детей, кровь асигару и обычных крестьян. Впервые за всё существование деревни над холмами зазвучал лязг стали и громыханье тэппо.

Пороховая бочка, которой так боялся Хироки Суэно, взорвалась. До того, как люди Маэда вышли из рёкана, на улицах Сатомори случилось несколько жестоких расправ. Это стало последней каплей. Крестьяне взялись за вилы.

Гнедая лошадь Такеши гарцевала по улицам деревни, тати резала плоть, словно нож масло. И сколько бы человек не полегло, сколько бы жутких вскриков не раздалось, лицо самурая не меняло своего холодного выражения.

Поле битвы растягивалось всё дальше и с главных улиц Сатомори уходило в леса, где у селян было огромное преимущество. Такеши хотел было отправиться за своими людьми, однако его остановил знакомый жёсткий и хрипловатый голос.

— Куда собрались, Маэда-доно? — Хироки стоял в нескольких метрах от самурая.

Старый, но от того не менее крепкий доспех дома Такэда, блестящее при лунном свете лезвие катаны. Не смотря на то, что Хироки не являлся самураем уже довольно давно, он не терял своего гордого и жёсткого нрава, закалённого в боях.

— Это вы довели всё до этого, — монотонно и спокойно проговорил Такеши. — Выдай вы беглецов раньше, сейчас кровь не лилась бы.

— Моя вина... — кивнул Хироки, крепче сжал катану. — Моя вина в том, что я не прикончил тебя ещё на въезде в деревню. Моя вина, что позволил вашему жалкому клану драть с нас налоги. Моя вина. И я отвечу за этот просчёт.

Маэда тяжело вздохнул, поднял лошадь на дыбы и с таким же безразличным взглядом,

как и всегда, бросился на Суэно. Тати и катана с лязгом соприкоснулись и в то же мгновение снова потеряли друг друга.

Второй наскок закончился для Маэда менее удачно, лёгким движением Хироки подсёк лошадь, отчего та, сбросив наездника, проехала несколько метров по земле и, издав протяжное ржание, замерла.

Тати и катана схлестнулись вновь. Оба смотрели друг на друга в упор, прожигая взглядом. По Сатомори раздавались крики: воинственные, радостные или жуткий вой. Мгновение спустя катана прошлась по поверхности доспеха, заставив тати отступить.

Протяжный выкрик. Легенды, что лицо этого самурая не меняется — ложь. Сейчас в них читалась настоящая ненависть, животная жестокость и желание убивать. Тати тяжело опустилось на наплечник, в миг сорвав его.

— Медленный, — раздалось со стороны катаны. — Тяжёлый, неуклюжий. И с чего это ты считаешься одним из лучших, а?

— Когда вороны будут выклевывать тебе глаза, — тот же спокойный тон со стороны тати. — Поймёшь.

Очередной удар катаны, пришёлся между предплечьем и плечом. Тати, вместе со сжатой в кулак рукой, с лязгом упало на землю. Над холмами Сатомори раздался рёв, точно бы льва, ошпаренного огнём.

— И это о тебе слагают легенды? — катана возвысилась над головой противника. — Легендарный самурай Маэда Такеши?

Плавное и быстрое движение, чувство тяжести в левой руке и танто глубоко вошёл прямиком в шею. Перед смертью он увидел лишь тот же взгляд, в котором, кроме желания убивать не читалось более ничего. Катана упала на землю, подняв вокруг себя клубы пыли.

Тем временем битва за Сатомори подходила к концу. Многие крестьяне под натиском натренированных и верных асигару, сложили оружие, и израненные и усталые возвращались на главную площадь.

— Маэда-доно! — к самураю подбежал один из подданных. — Ваша рука!

— Заткнись! — стиснув зубы, прорычал мужчина. — Веди всех на площадь! И коня мне!

Когда звуки боя стихли, Хотару наконец вышла из рёкана и направилась на главную площадь, где собралась толпа. С трудом она расталкивала подавленных и усталых крестьян, пытаясь выбраться в центр.

Окровавленное тело в доспехах рода Такеда. Закрытые тяжёлые веки. Хироки Суэно лежал под ногами у коня Маэда Такеши. Сражённый в последнем бою, самурай без хозяина, муж без жены, отец без дочери.

Хотару пыталась закричать, однако что-то тяжёлое застряло в горле, потому она издала лишь сухой хрип и бросилась к убитому мужчине. Слезы обжигали лицо, дышать становилось всё труднее, спадающие на глаза волосы не давали как следует рассмотреть лицо убитого.

— Вы — псы, недостойные даже взгляда нашего господина, — раздался громогласный голос Такеши. — Ваша дыра — ошибка судьбы. Все, кто стоит здесь — сброд и ничтожества, порождённые такими же ничтожествами без собственного рода!

Никто не отвечал, звенящая тишина тяжелым облаком повисла над собравшимися.

— Вы не выдали нам Вакада, думая, что сможете укрыть грязных предателей, таких же, как и вы, — Маэда махнул рукой.

На площади показались две пики с насаженными на остриё головами Чиё и Ёсиры. На лицах их не было ни страха, ни печали. Лишь сожаление за то, сколько горя они принесли в это место.

— Но сколько не прячь, правда всегда найдётся, — голос оставался таким же, холодящим душу. — Это гадкое место не должно более существовать на картах и в памяти людей. Сжечь его дотла!

— Такеши! — раздался жалостный и сдавленный крик Хотару. — Не надо, Такеши!

Самурай промолчал, не обращая внимания на вцепившуюся в стремя девушку.

— Такеши! Прекрати! — наконец, он взглянул на неё, всё теми же холодными глазами. — Такеши... Я... я люблю тебя, Такеши!

Звон лезвия о ножны, кровь снова обагрила песок. Тяжёлое тело Хироки Хотару упало рядом с телом её отца. Без угрызения совести, без жалости и тревоги Маэда вернул тати в ножны. И наблюдал. Наблюдал за тем, как минута за минутой Сатомори погружается в пучину огня.

Наблюдал за тем, как рушатся дома, воспламеняются склады и лавки, как живьём горят младенцы и женщины. Наблюдал с тем же абсолютно спокойным выражением лица. Он следовал лишь своей верности дому Хосокава.

Маэда Такеши выполнил свой долг.

Примечания:

Яри — японский тип древкового оружия, представляющий собой копьё и имеющий множество модификаций. Термин появился в период Камакура.

Асигару — вид лёгкой пехоты в средневековой Японии, из не-самураев, основным оружием которой были яри.

Танто — (яп. 短刀 танто:, букв. «короткий меч») — кинжал самурая.

Каса — японский национальный головной убор. Представляет собой конусообразную шляпу.

Шиноби — разведчик-диверсант, шпион, лазутчик и наёмный убийца в средневековой Японии.

Ниндзюцу — сформировавшаяся в Японии в XV–XVI вв. комплексная дисциплина включающая в себя искусство шпионажа, методику диверсионной работы в тылу врага, элементы выживания и многое другое.

Сатомори — яп. 里(деревня)森(лес).

Сытая, размеренная и безопасная жизнь. Всё возвращалось на круги своя. Нам не приходилось более прятаться, бояться и искать ночлег. Жители гостиницы оказались приветливыми и гостеприимными людьми.

Зима пришла незаметно. В одно прекрасное утро пустынные улицы города просто засыпало неестественно белым снегом. С наступлением холодов перерывы между затишьем и Хинаем увеличились. Не уверен, была ли зима тому причиной.

И всё? На этом мы остановимся? На этом наше путешествие окончено? Даже не верится как-то. Мы пережили столько всего, а теперь вот так просто осядем здесь, в этой гостинице? Временами мне кажется, что вот-вот я снова взвалю на плечи свой рюкзак, взгляну на улыбку Рико, и мы отправимся куда-то. Куда-то вперёд.

Я взглянул на свои карты. Бесперспективная ситуация, как ни ходи, а поражение обеспечено. С Таёру-саном мы играли каждый день после обеда. И ещё ни разу мне не удавалось его обыграть.

Вот и в этот раз мужчина самодовольно сгрёб карты обратно в колоду и усмехнулся. Играли мы впустую, ни на что. Да и ничего особенного у меня с собой не было, что я мог бы проиграть.

— Чем займёшься? — он убрал карты в карман кофты.

— Без понятия. Пойду, пройду по гостинице.

Он кивнул и прикрыл глаза, облокотившись на спинку кресла. Кроме нас в главном холле никого не было. Я потянулся и лениво поплёлся в сторону спуска на цокольный этаж, где расположился тренажёрный зал.

Шумела беговая дорожка. Рико могла часами пропадать на тренажёрах. Не сказал бы, что она чувствовала себя плохо или неудобно, однако что-то в ней изменилось. Чем дальше она находилась в стенах гостиницы, тем меньше она походила на себя прежнюю.

Нет, огонёк в глазах и деревенская наивность сохранялись в ней при любых обстоятельствах, однако угасало её стремление что-то менять, она словно каменела, переставала стремиться к неизведанному.

— Ва! Ивару! — она остановила тренажёр. — Тоже пришёл подкачаться?

Красное бодрое лицо, по которому тонкими ручейками стекал пот, заплетённые в хвостик волосы и тот самый спортивный костюмчик не по размеру. Рико задорно мне улыбалась.

— Не думал как-то... — я застенчиво почесал затылок.

— А зря! — она хлопнула меня ладошкой в район живота. — Совсем себя распустил!

— Нравится тебе здесь?

— Ещё бы! — она радостно обвела зал руками. — Тут столько всяких интересных штук!

— Я рад за тебя.

— А ты чего такой невесёлый? — девочка обеспокоено взглянула на меня.

— Нет, всё в порядке, — я покачал головой. — Просто устал немного.

— Не хочешь позаниматься со мной? — она указала на беговую дорожку.

— Я просто посмотрю.

Сны о Сатомори мне больше не снились. Не снилась больше и Кири-сан, не снилась и Харука. Мир словно бы замер в ожидании чего-то, всё вокруг ожидало каких-то потрясений

и изменений, но их не происходило.

День за днём мы проживали банальные и житейские ситуации: смеялись, грустили, ссорились и мирились. От дяди Ёичи я узнал о правилах «родового гнезда», о том, как он выпытывал информацию у Нанаки. Но всё это мне было совсем неинтересно.

Цель. Мы достигли нашей единственной цели. Больше мне не приходится волноваться о жизни Рико, о том, что в любой момент я могу её потерять. Вот она, передо мной, день ото дня занимается спортом, смотрит старые фильмы, слушает музыку.

Столько времени уже прошло с тех пор, как мы покинули Сатомори. Но никаких намёков на спасательную операцию или хотя бы что-то подобное не было. Я всё больше стал убеждаться в том, что во всём мире не осталось более никого, кроме нас шестерых.

Забавно, но я всегда представлял апокалипсис более банально: метеорит, ядерная война или нападение пришельцев, на крайний случай. Однако у мира свои законы, неподдающиеся голливудским штампам. Оттого и горечь на душе, что не придёт какой-нибудь Брюс Уиллис, чтобы нас спасти.

На следующий день поднялась жуткая буря. Снега навалило так много, словно мы не на Хонсю, а в самых северных регионах Хоккайдо, или вообще в Сибири. Оконные рамы дребезжали под напором холодного ветра, снег завалил все входы и выходы. А мы? Мы просто продолжали жить.

Закончив просмотр очередной американской комедии, я решил вернуться в комнату и немного вздремнуть перед обедом. Шаг за шагом я поднялся по скрипящей лестнице на второй этаж и добрался до своей двери.

Впервые я увидел Рико за книгой. Я подошёл ближе и присмотрелся к обложке: старая, истрёпанная, без названия и автора. При одном взгляде на этот ужас казалось, будто она пришла к нам из далёкого-далёкого прошлого. Точно фолиант давно ушедшей эпохи.

— Что читаешь? — я прилёг рядом с Рико.

— Эти... как их... — она задумчиво почесала голову. — Ва! «Унесённые ветром»!

— Не знал, что тебе нравится подобное, — я ухмыльнулся.

— А ты читал?

— Нет, не доводилось, — я перевёл взгляд на занавешенное окно. — И как, нравится?

— Ну... — Рико слегка покраснела. — Ничего так. Сойдёт.

— А говорила, что читать — скучно.

— Ва! Я ошибалась! Как будто ты не ошибаешься!

Повисло молчание. Девочка перелистывала страницу за страницей, время тянулось мучительно медленно, а звуки метели снаружи не стихали. Ещё чуть-чуть, и снег завалит всё здание, вплоть до крыши.

— И что дальше? — спросил я.

— Не знаю, — раздался серьёзный голос Каватсуки Морико в ответ. — Кажется, это конец.

— Конец? Чего?

— Не знаю, — повторила она. — Всего, наверное.

— Хиная нет уже почти две недели, — я уставился в потолок. — Раньше затишье не держалось так долго.

— Мы умираем, Тору, — Рико отложила книгу.

— В каком это смысле?

— Не могу этого объяснить, — грустно ответила она. — Я просто чувствую это. Я начинаю забывать важное: лица родителей, друзей, близких. Забываю, как выглядела Сатомори.

Я задумался. Ведь и вправду, из памяти стёрлось лицо матери, лицо отца. Лиц: Юри, Аи, Уми — я тоже не помню. Я словно разрушался изнутри, превращался в пустую оболочку. Неожиданно мне стало жутко.

— Я боюсь, — продолжала Рико. — Что однажды я проснусь и не узнаю тебя.

— Такого не будет, Рико! — я приобнял её за плечи. — Никогда!

— А ведь мы с тобой так и не целовались, — она грустно улыбнулась. — По-настоящему. Осознанно.

Я прислонился к её губам. Сегодня они уже не были такими, как прошлой ночью. Казалось бы, та же теплота, та же влажность. Однако солоноватый привкус делал их совсем другими. В них не чувствовалось той детской наивности, что прежде. Только непереносимый страх, боль и беспомощность...

Я стоял на песчаном берегу, волны одна за одной накатывались, оставляя за собой тёмные полосы. В воде стояла девушка, лица её я не видел, но прекрасно знал, кто это. Она появилась будто из ниоткуда, впрочем, как и всегда.

— Знаешь, — начала Кири-сан, — когда ты ушёл, я всё думала.

— О чём? — мой голос отразился эхом от невидимых стен.

— О мире, о богах, о том странном мальчике, о старике-священнике, — она развернулась ко мне. — О роли Сатомори во всё этом.

— И в результате?

— Я ничего не добилась, — она подошла ближе, оставляя на песке глубокие следы. — Я даже не знаю, сколько нахожусь здесь.

— Почему я снова здесь? — я огляделся.

— Всё кончается, Тору-кун, — девушка взглянула на небо. — Наш мир отчищен.

Я также устремил взгляд к небу. Миллионы теней спускались вниз, не спеша тянулись к земле. Меня охватил ужас.

— Что значит отчищен? — дрожащим голосом спросил я.

— Я не знаю, — она пожала плечами. — Но пойдём.

— Куда?!

Кири-сан не ответила.

Мы шли по улицам Сатомори. Теперь я их узнавал. Это была та самая деревня, в которой я провёл прошлое лето, те самые домики и тот самый перекрёсток у рисовых полей. Мы свернули на дорожку, которая должна была вести напрямиком к храму.

— Это место... изменилось, — подметил я.

— Да, — подтвердила Кири-сан. — Оно стало иным.

На этом наш разговор закончился. Тем временем тени всё спускались и разбредались по округе. Однако сейчас они не выглядели какими-то агрессивными или опасными. Тени, мирно покачиваясь, просто летали туда-сюда между толстыми стволами деревьев.

Мы наконец вышли к храму, он остался в точности таким, каким я его помню. Я присмотрелся внимательнее. На площади стояла девочка, держа в руке метлу. Юката, подпоясанная оби, короткие волосы, стриженные под каре.

— Харука! — крикнул я, но она даже не обратила на меня внимания.

— Вы не услышите друг друга, — лёгкая рука Кири-сан, легла мне на плечо.

— Но почему?! Дайте! Дайте мне с ней поговорить! Хотя бы немного! Прошу!

Из-за основного здания храма вышла вторая девочка. Она опасливо подошла к Харуке и принялась ей что-то долго и упорно объяснять. Однако голоса я не слышал.

— Но Юри же...

Ещё позднее на площади храма появилась Уми со своим вечно угрюмым выражением лица и в свойственной ей манере влилась в разговор Харуки и Юри. Не смотря на то, что они, казалось, в пятидесяти метрах, между нами словно было бронированное стекло.

Из леса, вся в репейнике и еловых колючках, выбралась Аи. Заплаканное и испуганное лицо, дрожащие ноги и руки. Девочка, спотыкаясь, бросилась к подругам.

— Все они... мертвы...

— Они стоят у черты, Тору-кун, — произнесла Кири. — Очищение не значит уничтожение. Жестокость, боль, зависть, жадность — эти чувства всегда преследуют человека. А боги? Боги отчищают мир от них, делают его чистым, словно выпавший только что снег.

— Не понимаю...

— Я сама не понимала этого очень долго, — усмехнулась она. — Мы все стоим у черты, Тору-кун. Все, кто смог отчиститься.

И позже я увидел: Нанаки, Комаэда, Ханакири, Дядя Ёичи, тот самый старец, что рыдал в разрушенном доме и тысячи-тысячи людей. Они словно зачарованные тянулись к храму, пытались найти там спасение.

— А где... где Рико? — я попытался разглядеть в этой толпе её лицо.

— Рико? — Кири-сан задумалась. — Если она не вышла к черте, значит, она не смогла отчиститься.

— Не смогла? — я отступил на шаг от девушки.

— Не смогла вытравить из себя всё тёмное, что было в ней, — развела руками Кири.

— И... и что с ней будет?

— Тоже самое, что и со мной, — девушка улыбнулась. — Она останется в этом чистилище до тех пор, пока не выпадет новый шанс переступить черту.

— Так нельзя, — я покачал головой и сделал ещё один шаг назад. — Без Рико нельзя!

— Тору-кун, — Кири подошла ко мне ближе. — Там, за чертой, всё начнётся сначала. Ты забудешь о Рико, забудешь обо всём, что было.

— Я не хочу! Не хочу ничего забывать! — прокричал я. — Отдайте мне Рико! Верните мне мою Рико!

— Тору-кун... — девушка печально вздохнула.

Я сжал зубы и бросился от храма прочь. Бежал мимо деревьев, мимо теней, что беззаботно резвились между стволами. Я чувствовал, что Рико где-то здесь, чувствовал её присутствие, нас словно связывала тонкая, незримая нить.

Перекрёсток у рисовых полей, главная улица, школа, домик Аи. Я не могу допустить ещё одной ошибки, я не могу себе позволить струсить ещё раз, я не могу позволить Рико исчезнуть из моей жизни. Я не могу этого позволить.

Наконец, я выбежал к неказистому, старенькому строению. Посреди различного старого хлама, в виде коробок из-под техники, резиновых покрышек и прочего, стояла Рико, нежно поглаживая руль самодельного велосипеда.

— Ва! Ивару! — она странно улыбнулась мне. — Какой хороший сон. И велосипед, и

ты.

— Рико... — я стоял, как вкопанный, глядя ей в глаза.

— Только всё серое какое-то, — тяжело вздохнула девочка. — И эти тени... Что они делают в моём сне?

Я перескочил через забор и крепко прижал к себе. Она никак на это не реагировала, лишь стояла, опустив руки и смотря куда-то в глубину непроглядного леса.

— Пойдём, Рико, — я схватил её за руку. — Я тебе кое-что покажу.

— Тору-кун, — послышался строгий голос Кири-сан. — Ты не сможешь провести её через лес. Остановись.

— Замолчите! — неожиданно для самого себя, рявкнул я. — Что вы знаете о Рико?! Я не оставлю её тут! Никогда!

— Даже если у тебя выйдет провести её к храму, — продолжала Кири. — Даже если ты защитишь её, черту перейдут только очистившиеся.

— Рико этого достойна! Рико не сделала ничего плохого!

— Её душу до сих пор сжигает зависть, — девушка подошла ближе. — Чёрная, жуткая зависть, граничащая с ненавистью.

— Зависть? — я взглянул на недоумевающее лицо девочки, которая, кажется, совсем потеряла дар речи.

— Она завидует той, которая уже давно за чертой.

И ведь если подумать, Рико действительно ощущала себя героиней второго плана, чувствовала себя тенью Харуки и не раз мне на это намекала. Но та ночь? Разве тогда мы не доказали друг другу обратное, разве она не должна была понять...

— Каватсуки Морики не готова перейти черту, Тору-кун, — вздохнула Кири.

Позади меня что-то тихо чиркнуло. Рико держала в руках небольшую алюминиевую зажигалку, из которой вырывался маленький и слабый огонёк.

— Это папина, — Рико словно не замечала стоявшую рядом Кири-сан. — Интересно, как он сейчас?

— Идём, Рико, — я сжал её руку крепче и повёл в сторону леса.

Стоило нам с Рико приблизиться к лесу, как тени, до этого мирные и спокойные, засуетились. Идти напрямик — самоубийство. Единственным шансом добраться до храма был поход через лес.

Я не позволю Рико остаться здесь навсегда, не позволю ей потеряться в этом вечно сером и грязном тумане, не позволю всем её страданиям пойти прахом. Рико была единственной, кто из последних сил сражался за жизнь, хватался за каждую возможность выжить и помочь остальным.

Всегда жизнерадостная, неунывающая и невероятно светлая девчушка из Сатомори. Я не верю, что ей не найдётся места в том мире, каким бы он ни был. Её должна ждать лучшая участь, нежели быть запертой в вечном мраке.

— Ивару, — шёпотом окликнула меня Рико. — Куда ты меня ведёшь?

Я ничего не ответил, продолжая высматривать слепые зоны теней. Храм был уже близко, оставалось пройти ещё немного до заветных ворот. Тени продолжали рыскать в поисках нас, извиваясь своими чёрными отростками-локаторами.

Между стволами показались знакомые очертания главного святилища. Набрав побольше воздуха в лёгкие, я сделал последний рывок. Рико неуклюже попевала за мной, спотыкаясь

на каждой неровности.

Наконец, мы добрались до ворот в храм. Толпа людей чудом уместилась внутри и чего-то с нетерпением ожидала.

— Видишь их, Рико? — я указал на площадь храма. — Все только нас и ждут.

— Кого? — она с откровенным непониманием осматривала площадь. — Кто нас ждёт?

— Она не готова, Тору-кун, — Кири снова появилась из ниоткуда. — Ты пытаешься поступить благородно, но очень глупо.

— Отпустите её! — крикнул я. — Отпустите её со мной!

— Не могу...

— Ивару! — вскрикнула Рико, указывая куда-то в сторону леса.

Одинокая тень целенаправленно двигалась к нам. И вновь я ощутил тот же самый приступ отвращения, словно всё светлое и живое выкачали из меня, заменив самыми отвратительными воспоминаниями и чувствами. Судя по лицу Рико, чувствовала она себя также.

— Только не снова... — прошептал я, крепче сжимая зажигалку Рико в руке.

И та же картина перед моим лицом. Тень зависла между нами, продолжая давить на мозги, вытравливая даже желание продолжать жить. Кири-сан, тем временем просто и безразлично наблюдала за нами.

Нельзя, чтобы это снова повторилось. Но я так боюсь боли, так не хочу умирать, особенно осознавая, что всё почти закончено. Этот страх проходит по всему телу, болью отдаётся в висках и в груди.

— Ивару... — прошептала Рико. — Спаси...

Рико боится не меньше моего. Ей, как и мне, совсем не хочется погибать таким жутким образом и в таком жутком месте. Рико начинает трясти, вот-вот и она сорвётся на плач, а тень уже начала подаваться в её сторону. Всё, как в прошлый раз...

Все последующие события пронеслись для меня за долю секунды. Тусклый огонёк зажигалки, жуткий вопль (принадлежащий то ли мне, то ли кому-то со стороны), затуманенный от страха взгляд, яркая вспышка и пронзительный свист, словно мимо нас, на огромной скорости, пронёсся электропоезд.

Я очнулся, глядя в серое, затянутое дымом небо. Что-то тёплое и мягко прижималось ко мне. В ушах всё ещё стоял жуткий звон, а перед глазами плыли разноцветные круги. Я спас Рико? У меня получилось.

— Ивару! — доносилось сквозь тускнеющий свист. — Ивару!

Рико плакала, тяжело и протяжно. Она вцепилась в меня и уткнулась лицом в грудь.

— Не отпущу, — выдавил я из себя. — Не отпущу тебя.

— Ивару... — она подняла взгляд.

— Не знаю, что ты надумала там в своей глупой головёшке, — я сжал её ладонь в своей. — Но всё это не так! Ты нужна мне, Рико.

Она лишь в очередной раз нервно всхлипнула.

— Как никто другой, нужна, — я приподнялся с земли на локтях. — Я люблю тебя, Каватсуки Морики.

— Ивару, — в её глазах перемешались всевозможные эмоции. Ещё немного, и она взорвётся от переизбытка чувств. — Я тоже! Ивару! Тоже!

А Кири-сан? Кири-сан ничего не говорила, она продолжала стоять в паре метров от нас, наблюдая за происходящим. Больше я никогда не слышал её странного, таинственного

голоса. Да и её я больше никогда не видел.

В один шаг мы преодолели черту между старым, полным злобой, жадностью, завистью, жестокостью и боли, миром и новым, абсолютно чистым, нетронутым. Наш путь закончился, но путешествие наше только начиналось.

Письмо доброму другу

Одзиро вошёл в пустую рыбацкую хижину. Перевернутый стол, изрубленные сети, выпотрошенный старый futon и прочие следы битвы. Ёсира Вакада до самого конца защищал свою сестру, отстаивая честь своей фамилии.

Изнутри священника сжигала вина за то, что ему не удалось защитить этих людей, за то, что во время бойни он отсиживался в храме, делая вид, словно ничего не знает о происходящем. Теперь он, и ещё несколько десятков выживших восстанавливают то, что осталось от сожжённой Сатомори.

Посреди разгромленной хижины Юта обнаружил смятый листок, на котором неровным и торопливым почерком было что-то написано. Дрожащими и холодными руками жрец развернул послание:

«Мой добрый друг, я уверена, скоро грянет буря, которую не все переживут. И перед тем, как отправится в объятия Хиня, я хотела бы извиниться за то, сколько боли и страданий принесла в эту деревню. Все вы защищали меня, словно одна большая семья, которой у меня никогда не было. И если мне всё же суждено здесь умереть, я хочу, чтобы вы знали, добрый друг, я благодарна вам за время, проведённое в Сатомори. Всё, что я рассказала вам — ценнейшие знания, которые, я уверена, вы используете с умом, добрый друг. Со скорбью в сердце, ваша Вакада Чиё».

Одзиро аккуратно сложил листочек и спрятал во внутренний карман кимоно. В последний раз окинув лачугу взглядом, он вышел наружу.

Над Сатомори восходило солнце, наступал новый день. Мёртвых уже придали огню, раненных постепенно выхаживали. Медленно, но верно деревня воскресала, словно феникс, поднималась из пепла.

— Одзиро-сан! — послышался хриплый голос рыбака. — Тама ещё людей нашли, Одзиро-сан! Живых!

— Да-да! — прокричал жрец в ответ. — Иду.

Однако, чтобы не случилось в этом бренном и жестоком мире, храм не должен оставаться без жреца. Каждую ночь Одзиро повторял это как мантру, как закон. Закон, что позднее назовут законом родового гнезда.

— Да... Конечно, — безынтересно отвечала я. — Да, всё в порядке. Нет, никого я ещё не завела! Ва! Никуда я не тороплюсь!

После моего переезда в Токио отец названивал беспрестанно. Хотя я ведь впервые покинула Сатомори, конечно, он волновался. Но эти его звонки во время работы уже начинали раздражать. Из-за него мне уже не раз влетало.

— Юри просила передать, что позаимствует твой велосипед на время, — прозвучал грубоватый голос отца.

— Что значит позаимствует?! — я подскочила на месте. — Ва! Пусть только попробует что-нибудь сломать! Я ей потом...

— Кстати, про потом, — продолжил он. — Ты до сих пор не сдала учебники в школу. Ханакири-сенсей каждый день нас трясёт.

— А... Ханакири-сенсей, — в памяти тут же всплыло строгое лицо нашей учительницы. — Ну... я... привезу ей новые из Токио.

— Ну-ну, — скептически раздалось в трубку.

— Заказ готов! — послышалось из кухни. — Каватсуки! Чем ты опять занимаешься?!

— Уже бегу! — прикрыв ладошкой телефон, ответила я. — Ладно, я побежала. Не скучайте там без меня.

Всучив мне коробку с пиццей, шеф взглянул на меня с неприятным и осуждающим прищуром. Просто чудо, что я до сих пор не вылетела с этой подработки.

— Я скоро твой телефон выкину к чёртовой матери, — мужчина помахал пальцем перед моим лицом.

— Ну Исияма-сан, — я попыталась соорудить как можно более милую мордашку. — Это же родители звонят, а не кто-нибудь.

— Всё, уйди с глаз моих, — отмахнулся он. — Заказ выполнишь и на сегодня свободна.

— Спасибо! Вы лучший! — я вприпрыжку направилась к выходу из пиццерии.

— И чтоб завтра вовремя пришла!

— Ага!

Ночной город пестрел красками, яркими вывесками, фарами проезжающих машин. Он ужасно отличался от Сатомори. Первые несколько месяцев я терялась в нём, забывала закрывать дверь в квартиру, не обращала внимания на светофоры. Но со временем Токио очаровал меня.

Совсем скоро Рождество. В Сатомори мы отмечали его в храме, запуская фейерверки вместе с Нанаки-саном и Харукой, которая была от них просто без ума. Здесь же я и не представляла, где можно отметить праздник.

Несмотря на то, что я живу здесь уже несколько месяцев, друзьями так и не обзавелась. Люди не тянулись ко мне. Да и я не находила никого подходящих на роль хорошего друга. Потому, как бы мне ни нравился Токио, я чувствовала себя слегка одиноко.

Единственный человек, с которым я общаюсь — Исияма-сан. Раньше он владел крупной компанией по продаже электроники, где-то в Нагое, но что-то у него пошло не так и бизнес прогорел. Так он перебрался в столицу и открыл сеть небольших пиццерий.

Хотя он и бывает грубоватым, мне кажется, что Исияма-сан хороший человек. С ним

приключилось много нехорошего, однако он хорошо относился к людям и при любой возможности пытался помочь.

Путь от пиццерии до дома заказчика занял добрый час. Небольшой четырёхэтажный дом находился где-то на окраине города. Машин здесь почти не было, да и людей, собственно, тоже. Дворик выглядел жутковато.

Затормозив у самого входа в подъезд, я оставила свой скутер и, придерживая пиццу ногой, набрала номер квартиры заказчика.

— Да? — послышался мужской голос из динамика.

— Пи...цца, — прохрипела я ответ, пытаюсь удержать коробку от падения.

Дверь открылась. Я с облегчением выдохнула, снова взяла коробку в руки и, зайдя в лифт, поднялась на третий этаж. Там меня уже ждал заказчик.

Невысокий черноволосый паренёк. Нескладный, даже какой-то слегка нелепый, однако же, было в нём что-то привлекательное, что-то до боли знакомое, словно я его где-то уже видела. Он также уставился на меня, точно пытался что-то вспомнить.

— Ва! — я не выдержала. — Держи свою пиццу! Чего смотришь?!

— А, да, — он растерялся и принял коробку и протянул мне купюры. — Спасибо.

— На здоровье, — я пересчитала деньги. — Я тогда... это... пойду.

— А не поздновато? — он открыл дверь шире. — Может, мне вас проводить?

— Проводить? — я задумалась, осмотрев его с ног до головы. — У тебя выпить есть чего?

— Вроде... было.

— И чего ты сразу не сказал? — я беспардонно ворвалась к нему в квартиру. — Давай, наливай.

— Да, конечно, сейчас, — он обескураженно начал накрывать небольшой столик, что стоял в гостиной.

— Тебя звать-то как?

— Тору. Ивата Тору, — он поставил на столик бутылку виски.

— Ивару, значит?

— Что ещё за «Ивару»?

— Ну, смотри, — я расплылась в широкой улыбке. — Ивата — ива, Тору — ру. Ва! Понял?

— Да-а-а, — неуверенно протянул парень. — А ваше имя?

— Каватсуки Морики, — я разлеглась на диванчике, что стоял у дальней стены. — Но, если не нравится, можешь звать Рико.

— Прощу, Рико, — он указал на небогато накрытый столик.

— Вот, другое дело! — я спрыгнула с дивана и подползла к угощению.

— Ну, за знакомство, Рико?

— Ва! А за что ещё, Ивару?

Вся наша жизнь — не более, чем путешествие от одной точки до другой. На этом долгом и изнурительном пути мы совершаем ошибки. Порой ошибки роковые и непоправимые, которые являются нам всю жизнь в ночных кошмарах.

Однако, преодолевая определённый рубеж, перешагивая черту, мы снова движемся к новым горизонтам. И так без конца мы повторяем одно и то же, раз за разом. Ведь всё это путешествие неясно куда, неясно откуда и есть *смысл* нашего существования. Вечное

путешествие в пустоте. Подобно звёздам, люди бороздят эту неосветимую, необъяснимую и необъятную пустоту, что зовётся жизнью. И никогда не знаешь, куда нужно свернуть, чтобы всё пошло так, как ты бы того хотел.

И если кажется, что вот он *конец*, дальше идти некуда, это значит лишь то, что твоё путешествие по бескрайним просторам пустоты сделало очередной поворот и впереди тебя ждёт продолжение этого бессмысленного, но такого нужного нам всем пути.

Больше книг на сайте - Knigoed.net